

ВАРИНА ДЕМУНА -

Событийная история в асфе,
пудингах, леденцах и любви.

Леди,
которая любила
готовить



Карина Демина

Леди, которая любила готовить

Серия «Леди, которая любила готовить»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69784669

0101

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	15
Глава 3	33
Глава 4	47
Глава 5	58
Глава 6	71
Глава 7	83
Глава 8	97
Конец ознакомительного фрагмента.	114

Леди, которая любила готовить

Автор: Карина Демина

Глава 1

Василиса сделала глубокий вдох, выдохнула и закрыла глаза.

– Вася! Вася, не смей этого делать! – в дверь ударилось что-то тяжелое, но мореный дуб выдержал. А Василиса по-морщилась. Вот неугомонный. – Не вздумай даже!

Она подняла руку. Солнечный свет, пробиваясь сквозь тончайшее полотно бумаги, окрашивал ее во все оттенки золота. И в золоте этом терялись буквы. А Василисе подумалось, что будет совсем даже неплохо, если буквы эти вовсе потеряются. Мысль вдруг показалась совершенно замечательной. И собственная сила ее, обычно неподатливая, неудобная, отозвалась легко. Повинуясь ей, вспыхнула нарядная розовая свеча. Невыносимо запахло цветами, причем запах был резким, раздражающим и совершенно не соответствующим моменту.

– Вася!

Дверь выдержала еще один удар, правда, с потолка по-

сыпалась побелка. Василиса вздохнула и сказала достаточно громко, чтобы ее услышали.

– Не заперто.

– Вась? – а теперь дверь приоткрылась осторожно. Александр заглянул в комнату. – Вась, ты как? Ты же не собираешься сделать какую-нибудь глупость?

– Какую-нибудь – нет, – Василиса поднесла лист к свече. Тонкий рыжий огонек потянулся, а дотянувшись, пополз по бумаге, уродуя золото черными пятнами ожогов.

– Вась, я серьезно. А то ж мне сказали, ты как письмо прочла, прям вся переменялась и к себе пошла. И я подумал... что... ну, мало ли... потому и серьезно. Вот, – Александр вошел бочком, что было странно и, пожалуй, даже забавно. Огромный, в деда, он сутулился, стараясь казаться меньше, незаметней. Но скромный синий студенческий мундир, украшенный девятью золочеными пуговицами, лишь подчеркивал и неуместность этой вот позы, и стати.

– И я серьезно, – она перехватила лист за другой уголок и вздохнула. – Успокойся. Ничего я не буду делать. Разве что... не знаю, торт испеку?

– Шоколадный? – Александр окончательно успокоился и расправил плечи, отчего в гостиной стало тесновато.

– Может, и шоколадный.

– Тогда хорошо... – он переминался и смотрел все еще виновато, хотя уж его-то вины в случившемся точно не было.

Ничьей не было.

Просто...

Так получилось.

– Ты сильно расстроилась? – Александр все-таки решился присесть. На самый краешек софы, памятуя, что в дамских комнатах мебель все-таки довольно хрупка.

– Даже не знаю, – Василиса разжала пальцы и позволила листу упасть. Правда, огню коснуться наборной поверхности комода не позволили. Он погас.

И свеча вонять перестала.

Хотя... надо будет велеть, чтобы окна открыли.

– Я его все равно на дуэль вызову, – теперь, когда беспокойство за сестру отступило, Александр позволил себе злость.

И пальцы его стиснули рукоять шпаги. Пусть нынешняя, положенная уставом Высшего имени Его императорского Величества Николая I Дворянского Института, и была неказиста с виду, да и вовсе не особо нужна человеку столь одаренному, как Александр, но владел ею он весьма неплохо.

– Зачем?

– Чтобы знал, как порядочных девушек перед свадьбой бросать.

– Не он первый, – Василиса пожала плечами и устроилась у окна. То выходило на парк, и прежде Василисе нравилось разглядывать, что удивительную вязь желтых дорожек, что ковровую зелень газонов, что разноцветье клумб.

– Вась... я... вот увидишь... – светлые брови сошлись над

переносицей. – Все еще образуется. И не надо обращать внимание на одного идиота.

На одного – не стоит.

Но...

Снова слухи пойдут. После прошлого раза еще не все утихло, а тут надо же... снова... и полетят письма с выражениями сочувствия, со словами поддержки, ибо положено поддерживать брошенных невест...

Василиса с трудом, но сдержала вздох.

...выйти придется. И из комнаты, и из дому. Правила игры давно известны. Нельзя показывать слабость или обиду. Радковские-Кевич не могут позволить себе ни того, ни другого.

Улыбаться.

Принимать притворное сочувствие с притворным же вниманием, болтать о пустяках и казаться беззаботной, как и положено девице ее положения.

А она устала.

Василиса поняла это неожиданно ясно.

Устала от игр.

И от сплетен.

От шепотка за спиной... та самая, проклятая... четвертый жених... или уже пятый? Можно понять бедолагу... ни одно приданое не окупит...

От взглядов, от которых не скрыться. И приходится держать спину ровнее. И улыбаться все беззаботней, пока щеки

не заболят, пока лицо не одеревенеет, пока самой Василисе не станет казаться, что она – лишь кукла, в которую по недоразумению вдохнули каплю жизни.

– Вась, ну Вась, – Александр дотянулся и дернул за рукав. – Хочешь, я нового жениха найду?

– Зачем?

– Не знаю, – он смотрел снизу вверх, заискивая и всем видом своим выражая готовность помочь. – Чтоб был?

– Не надо, чтоб был, – Василиса улыбнулась. И Александр улыбнулся в ответ, добавив:

– Я ему вторую руку тоже сломаю. Для симметрии. И вообще...

Василиса покачала головой. Она была далека от мысли, что сумеет сдержать праведный гнев брата, да и... обида была.

Горькая, как темный шоколад, тот самый, что привозили из-за моря, щедро сдобренный перцем и оттого жгучий. И эта обида нашептывала, что стоит намекнуть, и рукой дело не ограничится. Александр все кости переломает.

А то и вправду дуэль...

Дуэли чести ведь не запрещены, пусть и высочайше не одобряются, но... Василиса подошла к брату и положила руку на плечо.

– Оно того не стоит.

Обида полыхнула пламенем.

– Вась...

– И Марье скажи, а то ведь...

Александр хмыкнул. И выражение лица стало... Впрочем, Василиса и сама понимала: говори Марье или нет, она все равно поступит по-своему. И обиды, учиненной роду, не простит.

А Василиса опять будет чувствовать себя виноватой.

Перед всеми.

Она посмотрела на оплавившуюся свечу. На остатки письма. На парк. И вдруг поняла, чего хочет.

– Я уеду.

– Куда? – Александр привстал, но вновь опустился на софу. Вытянул ноги, что уперлись в крохотный столик с пятком фарфоровых статуэток.

Еще один подарок.

...они столь же изящны, как и вы...

Правильные слова. Правильные подарки. Тоже своего рода искусство, которым Владимир владел в полной мере. Правда, теперь статуэтки вызывали одно лишь желание – разбить их о стену. И закричать. Во весь голос. По простому, по базарному, но... нельзя.

Надо держать себя в руках.

– Не знаю. Отсюда. Ненадолго. Пока все поутихнет. Не хочу никого видеть.

– Станут говорить...

– Что бы я ни сделала, говорить станут, – отмахнулась Василиса. И новая идея захватила ее всецело. – Вдовый дом...

тетушка ведь нам его оставила, верно? И там никто не живет?

– Никто. Кажется. Я не знаю. Надо у Сергея Владимировича спросить, но... Вась...

– Ненадолго, – ей, кажется, и задышалось легче. Конечно. Кому нужен Ахтиар с вечной его круговертью, с балами и красавцами, которым не стоит верить, которые в сломанной руке видят перст судьбы и вообще горазды придумывать себе сказки.

– Вась, а...

Подальше от слухов.

Сплетен.

Очередной попытки подыскать ей жениха, потому что женщина тридцати двух лет не может не быть замужем, даже если ей туда не слишком-то и хочется. От семьи, что всене-пременно соберется, и даже Настенька, возможно, приедет, оставив ненадолго свой драгоценный университет.

От всего.

– Мне... – она коснулась пальцами висков, чувствуя, как размыкается кольцо зарождающейся боли. – Просто надо побыть одной. Понять... разобраться... в себе и вообще.

Александр кивнул.

Вздыхнул.

И добавил:

– Вечером поговорим.

– Почему бы и нет? – княжна Марья и в домашней обстановке оставалась княжной. Рядом с сестрой, высокой и статной, именно такой, какой должна быть урожденная Радковская-Кевич, Василиса остро ощущала собственную неполноценность. – Не вижу ничего дурного. Дом и вправду свободен. Надо лишь распорядиться, чтобы его в порядок привели.

– Маш? – а вот Александр был недоволен.

И шоколадный торт его не успокоил.

Он расхаживал по гостиной, благо, нынешняя была в достаточной мере просторна, чтобы хватило места и ему, и княжичу Вещерскому. Правда, последний не ходил, но занял место в дальнем углу, откуда с восторгом и обожанием наблюдал за женой.

Такую, как Марья, легко было обожать.

– Что? Она ведь не собирается сбегать с бродячим цирком...

На щеках Александра вспыхнули алые пятна.

– Это было давно...

– ...или в юнги подаваться.

– Это было еще давнее!

– Само собой. Она просто хочет уехать и пожить в тишине.

Василиса коснулась хрупкой фарфоровой чашки. Вот опять... они говорят о ней так, будто ее, Василисы, в комнате нет. Будто она дитя несмышленное, не способная сама ре-

шить.

Раздражение захлестнуло Василису с головой.

И схлынуло.

Они ведь не специально, они ведь из беспокойства, а... кто виноват, что она, Василиса, причиняет семье столько беспокойства?

– Я поеду, – сказала она, стараясь, чтобы голос звучал ровно. – В конце концов, мне тридцать два...

...старая дева.

А старым девам нет нужды думать о репутации. А еще можно не обращать внимания на слухи. Старым девам, если подумать, позволяется куда больше, чем просто девицам из благородных семей.

– И я просто... от всего этого устала. Я хочу просто пожить. В тишине. В... не знаю.

Марья чуть склонила голову. В светлых ее волосах мерцали бриллианты. Белое длинное платье – им с Вещерским скоро выезжать, в театр или еще куда, главное, что Марье светская жизнь не доставляет неудобств – казалось в той мере простым, чтобы простота эта стоила немалых денег.

Короткие перчатки.

Браслет с желтыми топазами.

И простенькая подвеска с огромным камнем. Василиса в жизни не рискнула бы примерить что-то подобное, чересчур роскошное, вызывающее даже. А вот Марья относилась к камням, как и к золоту, равнодушно. И не от этого ли равно-

душия камень нынче сиял вовсе нестерпимо.

– Разве я многого прошу? – тихо добавила Василиса.

Она терялась, когда на нее смотрели.

Вот так и все сразу.

И...

– Быть может... – голос Вещерского звучал мягко, и от этой мягкости у Василисы мурашки по спине побежали. – Не стоит спешить... ситуация, конечно, до крайней степени неприятная, но и выход можно найти иной. У меня есть... старый приятель... человек в высшей степени порядочный... но, к сожалению, в силу определенных обстоятельств оказавшийся в не самой простой жизненной ситуации.

– Нет, – Василиса впервые позволила себе кого-то перебить. – Я не хочу замуж. Ни за вашего приятеля. Ни за кого другого... хватит!

Получилось, пожалуй, куда громче, чем следовало бы.

– Я устала.

– Вася, – Марья умела смотреть так, что руки леденели. – Подумай хорошо. Уедешь? Все решат, что ты и вправду виновата, раз сбежала.

Василиса обняла себя.

Она не сбегает.

Она... она просто хочет, наконец, пожить в тишине и покое. Разве это много?

– А вот если ты выйдешь замуж...

– Все решат, что вы нашли бедолагу, которому деньги

важнее жизни, – это вырвалось само собой. Прежде Василиса не позволяла себе грубости. И во взгляде сестры появилось... удивление?

Пожалуй.

– Что будет недалеко от истины, – она все-таки присела и разгладила юбки. И подумала, что вот ее платье, пусть шито тем же портным, который старался для Марьи, пусть стоило немало, но вот... неудачненькое получилось.

Как вся ее жизнь.

Как сама она...

– Я свяжусь с Сергеем Владимировичем, – она надеялась, что голос ее звучит в достаточной мере спокойно. – Дом готовят. Я соберу вещи... для остальных... не знаю. Придумайте что-нибудь. Уехала, к примеру, за границу... здоровье поправить. Или еще что.

Говорить, когда на тебя все смотрят, оказалось не так и просто. Но Василиса заставила себя продолжить.

– Я не собираюсь делать ничего дурного, я...

– Да, да, – Марья взмахом руки прервала этот лепет. – Что ж... может статься, так и вправду будет лучше. Для всех.

Глава 2

Окна палаты выходили на Екатерининскую улицу, где жизнь не затихала ни днем, ни ночью. И ныне вот один за другим загорались газовые фонари. В открытое окно ворвался свежий ветер, принес с собой запахи города, заставив зазмуриться, жалея, что только и остается, что нюхать.

Прислушиваться.

Приглядываться.

Демьян поморщился, когда по телу прошла очередная волна целительской силы. Ощущалась она холодной, и до того, что он с трудом удержался, чтобы не отряхнуться. Будто льду за шиворот сыпанули. Впрочем, лед этот вскорости растаял, унося с собой и то малое неудобство, которое вовсе причинял, и ставшею привычной боль.

Непроизвольно дернулась рука, и закованные в повязку пальцы вцепились в одеяло.

– Спокойнее, дорогой мой, спокойнее, – Марк Львович поправил пенсне, которое носил исключительно создания образа ради, ибо зрением обладал преотменнейшим. – Сейчас закончим. Прогресс наметился и немалый. Однако...

Он замолчал и на узком породистом лице его появилось выражение обиженное, будто произошедшее с Лапшиным каким-то неведомым образом задевало самого Марка Львовича.

– Я буду настоятельно рекомендовать вам покой. В ближайшие полгода точно...

– Но... – у Демьяна получилось сесть. Пусть не сразу, пусть тело, переполненное силой, становилось тяжелым, неподъемным, а перины, напротив, мягкими, и сопротивляться этой их мягкости было выше сил человеческих, но у него получилось.

И Павлуша помог.

Подскочил.

Подушки под спину сунул. Протянул флягу с водой, которую Демьян взял осторожно. Руки еще слушались плохо, пальцы и вовсе не гнулись, но Марк Львович обещал, что тело всенепременно восстановится. Вот только не уточнял, когда.

– Дорогой мой, – Марк Львович снял-таки пенсне и куда-то вдруг сразу подевались и острота черт, и породистость. Лицо вдруг сделалось мягким простоватым, с кругленьким подбородком, под которым наметилась характерная складочка, с пухлыми щечками и пухлыми же, какими-то совершенно женскими губами. – Вы ведь должны понимать, сколь вам повезло.

Повезло.

Демьян понимал распрекрасно. И повезло многожды.

...в первый раз, когда не отмахнулся он от того робкого, преисполненного какой-то неуверенности, но все ж написанного кривым почерком доноса о подозрительных личностях,

что сняли дом у мещанки Авдотьевой. А ведь едва не отправил в мусорное ведро, к иным подобного толка. Ведь ничего-то по сути в доносе не было.

Студенты?

Или не студенты? Весна забрезжила, вот и съезжается в Ахтиар разный люд, добавляя жандармерии беспокойства. А студентов и своих-то с достатком.

...во второй, когда, мучимый предчувствием, Демьян все ж решил прогуляться по грязной Самощенской улочке, куда и городской-то собственный заглядывал с немалою опаской.

...и в третий, столкнувшийся нос к носу с Яшкой Бесноватым, которого Демьян хорошо-то знал по прошлым делам, правда, тогда-то Яшка в политику не лез, приличным был человеком с точки зрения воровского обчества, уважаемым даже. А потому и видеть его в компании юноши бледного, чахоточного, но с характерно горящим взором было непривычно. Тем паче, что паренек также был Демьяну знаком, пускай не лично, но через сводки.

Адольф Азонский, более известный как Серп.

И вовсе не юноша, ибо давно уж четвертый десяток разменял, но то ли из-за чахотки, то ли из-за дара своего, то ли из-за особенностей конституции, а может, от всего и сразу, он гляделся обманчиво юным. И юность эта кажущаяся многих в заблуждение ввела.

Тогда Демьян, понявши, кого видит, лишь чертыхнулся. Освободители.

Вот только этого дерьма в городе и не хватало.

...повезло, что эти двое были слишком увлечены разговором, слишком уверены в собственной безопасности, слишком... беспечны.

В Ахтиаре, в отличие от Москвы и Петербурга, революций не было.

Нет, время от времени появлялись листовки и прокламации, газетенки, которые распространялись по рынку, чтобы стать частью этого рынка, служа отличной упаковкой для рыбы, будь то вяленой или копченой. Порой на стенах возникали надписи не самого приличного содержания или даже взывающие к бунтам, но всерьез-то их никто не принимал.

Здесь, у моря, было тихо.

Спокойно.

И спокойствие это, как выяснилось, развращало.

Демьян Еремеевич Лапшин поморщился.

За домом он велел приглядывать. Издалека. Ибо слыл Серп человеком в крайней степени осторожным. Да и Яшка, к революционерам примкнувший, тоже опасность шкурой чуял.

Всего их было четверо.

Сам Азонский. Яшка, подвизавшийся при банде, как Демьян решил, проводником, да и вовсе человеком полезным, ввиду знания города и местных обычаев.

Толстый сонного вида парень, что частенько выходил во двор и, присевши на лавчонку, застывал. Он закрывал глаза

и казался спящим, вот только силовые потоки окружали его фигуру плотным коконом. Мальчишка был не просто одаренным, но сильным, пусть и дурно обученным. Последним был бритоголовый тип того характерного вида, который заставляет заподозрить в человеке многие страсти, большей частью незаконные.

Этот любил опиум.

Демьян с кряхтением – сейчас он чувствовал себя более старым, чем когда бы то ни было – согнулся.

– Еще немного, и вам бы не помог не только я, но и, прости Господи, полный целительский круг. А он, как вы, верно, знаете, и мертвого способен поднять...

– И вправду способен? – говорить тоже получалось с трудом, пусть челюсть и срослась, но ощущалась еще чужой, чересчур тяжелой. Да и восстановленные мышцы не обрели должной гибкости.

– Нет, естественно. Поднятие мертвых единственно в воле Божьей, но вы понимаете, о чем я...

...о везении.

Пришел приказ наблюдать и не вмешиваться.

Ждать.

Вот только...

Чутье. То самое, которое не позволило отправить треклятый донос в мусорную корзину, которое потянуло в грязный переулок, которое кольнуло, заставив отступить в тень, когда из кабака вышел Яшка... то самое чутье требовало действий.

Немедленных.

Тем паче, что в доме что-то да происходило. Что-то явно недоброе, грозящее обернуться для города болью.

Боль возвращалась.

Она, замороженная целительскою силой, никогда-то не уходила надолго, напоминая, что смертен Демьян Еремеевич, куда более смертен, чем ему представлялось.

...повезло.

Темна Ахтиарская ночь.

Тиха.

И море шелестит, накатывая на берег, будто приноравливаясь, как половчее на нем обосноваться, как добраться до грязных домишек, как смести и их, и те невысокие кривоватые заборчики, которыми люди норовили отгородиться друг от друга. И от моря тоже.

Звезды отражались в водной глади.

Луна стояла высоко, освещая, что улочку, что дом мяснички Авдотьевой, о которой давненько никто не слыхивал. Вроде как отправилась к сестрице своей в Заполье, а может к брату, который в столицах обосновался и давно к себе звал. А может, осталась тут же, в черте городской, в подполе собственного дома...

...там ее после и нашли.

Опознали.

Подвал-то почти не затронуло.

Тогда же... Демьян помнил все распрекрасно.

И ночь. И луну эту, которая словно издевалась над людьми, лишая ночь темноты, а их, убогеньких, скрытности. Коляску. Лошадей. Тело, которое тащили во двор, переругиваясь в полголоса.

Вот Яшка успокаивает жеребчика, сует тому под нос краюху хлеба, щедро солью посыпанную, говорит ласково, и слова разносятся ветром.

Вот выглядывает со двора Серп. И его-то голос не слышен.

А магией пользоваться невозможно.

Никак невозможно.

Скрип калитки.

Ругательство, произнесенное вполголоса. И становится ясно, что у них, беззаконных, нервы тоже на пределе.

Ящик, который несут вдвоем, но до крайности осторожно, и по лбу опиомана катятся крупные капли пота. Ящик ставят на пролетку, а после толстяк, сбросив прежнее оцепенение, водит над ним руками. Нервничает Яшка. Курит сигарки свои одну за другой, и запах дыма мешается с прочими ночными ароматами.

– Скоро вы там? – все повторяет он. А Серп хмурится.

И отвечает.

Но его вновь же не слышно. Зато видно распрекрасно, что костюм его вида преприличного. Этакий носить не освободителю-боевику, но человеку состоятельному, степенному. Из нагрудного кармана выглядывает серебристый хвост цепочки. В петлице белая гвоздичка сидит.

На булавке для галстука поблескивает камешек.

И волосы зачесал, сдобрил бриллиантином.

Очки достал. Нацепил, разом добавивши себе солидности. И вот уже не Адольф Азонский перед Демьяном стоит, сын крестьянский, студизус-недоучка, но молодой дворянин, перед которым приказчиковы спины сами гнутся.

Вот же...

Демьян тогда только и успел, что подивиться этакой метаморфозе. А Серп уже в пролетке устроился. Присел, ящик свой огладил. Кивнул второму, тому, что с опиумом баловался – личность его установить так и не удалось, ну да мало ли по России ему подобных, беспокойных и бестолковых разом, готовых на подвиги единственно от душевного этого беспокойства?

И когда тот перекинул вожжи, вцепился в пролетку, явно намереваясь место кучера занять, Демьян понял – уйдут. Что бы ни задумывалось, произойдет это сегодня. И если он, Демьян, не остановит их, плохо будет всем.

И он поднял руку.

И по сигналу взлетело, раскрылось куполом заклетье, отрезая и дом мещанки, и двор ее, и кусок улицы от прочего города. А следом устремилось и другое, призванное оглушить. Сработало, пусть и не так, как думалось. Покачнулся и рухнул под колеса пролетки Яшка, так и не выпустив из зубов очередной сигарки.

Опиоман лишь головой тряхнул.

И зарычал, низко, глухо. Вскинул руки, и ночную тишину разодрали выстрелы. Кто-то за Демьяном охнул. Кто-то закричал. И, как обычно водится в подобных случаях, план, казавшийся, если не идеальным, то всяко годным для исполнения, полетел коту под хвост.

Взвился на дыбы жеребчик.

А толстяк раскрыл руки, выплескивая живую силу, которая, ударившись о стену ограничительного купола, обернулась огнем. И купол затрещал, грозя рассыпаться.

Демьян махнул магам прикрытия, чтобы держали.

И они держали.

Даже когда пламя окрасилось белым. И когда рухнул паренек, вроде Павлуши, что сунулся было снять стрелка, да сам поймал то ли пулю, то ли заклятье.

Серп привстал в пролетке.

Демьян помнил безумное какое-то преисполненное предвкушения лицо его. И успел отдать приказ... только и успел, что приказ отдать. И сам... не надо было лезть, но Демьян явственно понял, что сами маги не справятся.

Он поднял руки, упираясь ими в стену воздуха, ставшую вдруг тяжелой, словно на него, на Демьяна, опустилось само небо.

Он вдохнул жар чужой силы, что пролетела по крови, эту кровь опалая.

Он почувствовал, как обрывается тонкая нить жизни где-то за спиной, и давление возросло в разы. И как дрожит на

границы вторая нить. Подумал еще, что слишком молоды мальчишки, что рано им уходить, что... а потом запахло кровью.

Губы Серпа дрогнули.

Он произнес слово, и сам, преодолевая давление чужой силы, склонился к ящику. Из носа его ручьем текла кровь, в темноте она казалась черной и густой. Кровь заливала и ящик, и пролетку, и треклятый костюм, который так хорошо сидел...

Бледные пальцы коснулись крышки.

– Ложись... – свой голос Демьян слышал будто со стороны. И понимал, что не успеют, и что сил у него не хватит, что ни у кого бы не хватило, но...

Крышка распахнулась, выпуская солнечный свет, такой невыносимо яркий, что никак не возможно было удержать его взаперти. И свет сломал хрустальную стену купола.

Свет опалил лицо.

И руки.

Свет опрокинул на спину, и последнее, что запомнилось Демьяну – огненная птица, которая некогда была человеком, да еще, пожалуй, преисполненный боли визг коня. А потом он умер.

Так ему показалось.

А выяснилось, что ему в очередной раз повезло, что тот мальчишка, который и на службу-то пришел пару месяцев тому, сумел сконцентрироваться, что, понимая, сколь мало им вообще осталось жить, он разменял эти минуты жизни

на силу.

И ее хватило, чтобы поставить новый купол. Тот и принял основной удар. И не выдержал тоже, но волна, накрывшая, что Демьяна, что уцелевших его людей, что саму улочку, уже была ослаблена, а потому...

Да, повезло.

Правда, начальство оказалось этим везением вовсе не довольны. Хотя начальство Демьян как раз понимал. Взрыв. Разрушенные дома. Пожар. Погибли двое магов и четверо обычных жандармов. Да и самому Демьяну, как он понял, лучше было бы героически... но нет, уцелел.

На свою голову.

И теперь уже месяц валяется в этой, безусловно, комфортной, но все ж больничной палате под присмотром Марка Львовича. Он вот сидит на стульчике, очки свои трет и молчит.

И Демьян молчит тоже.

– Меня просили побеседовать с вами, – Марк Львович вздохнул. – Донести, так сказать, серьезность ситуации. А она и вправду серьезна... в высшей степени серьезна... и во все не потому, что ваше тело получило такие повреждения, что воистину чудо, что вы вообще помощи дождались. Признаюсь, когда я вас увидел, то не узнал, да... и кто бы узнал?

Он наклонился, сгорбился.

Потер руку о руку.

– Мы пытались спасти не только вас... а получилось...

...Яковлев скончался после трех дней постоянного дежурства при нем целителей. Антонченко еще пребывает в том глубоком сне, который изрядно похож на кому. Савельина не довезли.

Кастроменко уже вышел на службу.

– ...что получилось... сила не задерживалась в вашем теле. Это было как воду в песок лить. И мы лили, сколько было, столько лили... что целители, что все... в госпитале, чтоб вы знали, не протолкнуться стало от ваших людей. И все, кто имел хоть каплю силы, несли ее... и ее хватило. Вам хватило.

Демьян пошевелил пальцами.

Плоть на них почти восстановилась, но почему-то он ее почти не ощущал.

– Что до прочих... то мы тоже старались. И даже в какой-то момент стало казаться, что мы вытащим всех, но... – Марк Львович развел руками. – Я не знаю, что было в той бомбе помимо взрывчатки...

...место все еще оцеплено. И людей пришлось отселить.

Из Петербурга прислали экспертов, вот только те, если чего и обнаружили, делиться не стали. А может, просто Демьяну не докладывали, выполняя высочайшее указание – не беспокоить.

Правда, от этого небеспокойствия лезло в голову всякое.

– В какой-то момент мы просто перестали ощущать силу, что в теле того мальчика, что в себе. И это было... страшно, – целитель потер щеточку усов. – Настолько страшно, что, бо-

юсь, если взрыв повторится... если будут пострадавшие... то... не все целители согласятся с ними работать.

Это признание далось ему нелегко.

– Спасибо.

– За что?

– За честность.

– Бросьте. Вам все одно доложат. А еще... проблема в том, Демьян Еремеевич, что, несмотря на почти полное восстановление вашей физической оболочки, прочие нам не удалось привести в порядок.

– То есть?

– Вы ведь не чувствуете силу, верно?

Не чувствовал. Впрочем, после взрыва Демьян как-то не особо доверял чувствам, но вот... однако полагал, что это – естественно, что собственная сила уходит на подпитку тела и поддержание целительских заклятий, так ведь бывает, когда ранение тяжелое.

– И я не уверен, что вы почувствуете ее, даже восстановившись полностью. Физически, я имею в виду.

– Я перегорел?

Страшный сон любого мага. И достойная цена. Тот парнишка, который купол поставил, заплатив за него собственной жизнью, сделал куда больше Демьяна.

– Нет, – Марк Львович покачал головой. – И это самое странное. Энергетические каналы работают нормально. И пропускная их способность не изменилась с последней ва-

шей проверки. А вот ядро нестабильно. Признаюсь, в своей практике я с подобным не сталкивался.

Демьян приложил руку к груди.

Он не чувствовал ровным счетом ничего. Перегоревшие писали о пустоте, о ноющей боли, которую целители называли эфемерной, но не эфемерно заглушали морфием, однако и боли не было.

И силы тоже.

– Ваша энергетическая оболочка повреждена. И что хуже всего, повреждения восстанавливаются крайне медленно. Для сравнения, люди, которым случилось оказаться под огненным крылом и почти полностью выгореть, за две недели восстанавливали внутренний контур, а в течение месяца и внешний. Причем без особого вмешательства. Это естественная способность организма. Как тело заращивает физические раны, душа или дух стремится излечить энергетические. Обычно.

– И... что не так с моим духом?

– Все так. Вы в себе, сколь могу судить. Сознанием обладаете ясным, с памятью проблем не вижу, да и в остальном... но, боюсь, мы имеем дело с последствиями оружия нового, весьма и весьма опасного. В том числе и этим вот эффектом воздействия на энергетическое поле человека.

Он потер руки, которые были бледны и слегка шелушились, что, кажется, донельзя раздражало милейшего Марка Львовича.

– И что мне делать?

– Восстанавливаться. Отдыхать. Теперь, когда ваше физическое состояние более опасений не вызывает, процесс ускорится. Думаю, дня через два вы вполне можете встать... не без помощи. А там... там будет видно.

Будет.

Марк Львович поклонился и вышел. Он вернется ближе к полуночи, чтобы вновь отогнать боль, которой и вправду стало меньше. Демьяну предлагали морфий, но он, видевший, во что способен тот превратить человека, отказался.

Когда сумел говорить.

Решил, что справится. И справился.

Павлуша вновь потянулся было к подушкам.

– Оставь, – Демьян отмахнулся от этой заботы, которая казалась ему в корне неправильной. Он не достоин ее. Он ошибся, и эта ошибка стоила многих жизней.

Следовало сразу брать сволочей.

Плевать на Петербург. Столица всегда жила своей жизнью, далекой от понимания провинциальных проблем. Плевать на начальство, которое было бы недовольно и, возможно, недовольством своим уничтожило бы карьеру Демьяна. Ее и так не будет, как и не было.

Плевать на то, что и обвинить-то господ революционеров было бы не в чем... то есть, ему тогда казалось, что не в чем. Кто ж знал про останки в подвале? Про женщину, единственная вина которой была в излишней доверчивости.

Пустила на постой.

Заработала.

Боль кипела в душе, перерождаясь в вину.

– Что говорят? – Демьян поерзал, а Павлуша отошел, чтобы вернуться с высоким стаканом и склянкой. От склянки пахло мятою и дегтем, а вкус зелье, как и большинство иных целительских, имело преотвратительнейший.

– Говорят, что точно вас в отставку отправят, – капли Павлуша отсчитывал про себя, но при том губами шевелил. – Или в отпуск сперва, а потом в отставку.

И правильно сделают.

Демьян позволил себе упасть на подушки.

– Петербуржцы всю улицу излазили от и до. Их специалист в морге ночевал, все пытался понять, что ж они такого придумали, только дом сгорел почти целиком. Аверсин говорит, имела место энергетическая аномалия. В телах ни капли силы. Даже Яшка... его ж пулей сбило, упал, а осколками так вовсе не посекло, вот, на теле должны были отпечатки сохраниться, а стерло. Младенчики и те чистыми не бывают такими.

– Аверсин в деле?

– Взяли в помощь, правда, потом клятву сняли, так что теперь лишь руками разводит.

– Не нарывайтесь, – Демьян принял стакан обеими руками. Заставил сжать, ощущая, как прогибается свежая, отросшая вместо сожженной, кожа. И повязки наливаются сукро-

вищей.

– Так мы...

– Они не враги.

Павлуша дернул шеей и отвернулся. Понятно. Столичные, как всегда, сумели поставить себя над всеми, чем и заработали, если не ненависть, то всяко непонимание.

– Вы, Демьян Еремеевич, не думайте... наши все за вас. И никто не винит... ну... из наших, – уточнил Павлуша и помог попридержать стакан, потому как мышцы все еще были деревянными. – Понимают, что, если б эта погань где-то в городе рванула... из столичных один обмолвился, что на адмирала покушаться собирались, он же в ресторациях любит сиживать и не один... так что...

Вечер.

Лето.

Набережная и огни. Люди. Ресторации, которых с каждым годом становится все больше. Музыка. Смех. Взрыв...

– Жертв было бы в разы больше. Эта штука... наши говорили, что на двадцать шагов все выжжено, и отметка имеется аккурат там, где Игорек щит свой поставил. Мы... того... скинулись... у него ж жена... недавно... полгода не прошло.

Горечь лекарства склеила зубы. И заставила проглотить, что ком в горле, что чувство вины.

– Возьмешь... чек выпишу...

Сколько отдать?

Сотню?

Две?

Да если Демьян все свои нехитрые накопления отдаст, все равно не вернет паренька. И той, незнакомой ему женщине, легче от денег не станет.

– Выпишете, конечно, – Павлуша забрал стакан. – Как на ноги станете... только не о нас думайте, а о том, что, кабы оно в городе рвануло, то в госпиталь не пятерых бы привезли, а пять десятков, если не сотен. И тогда их точно не хватило бы.

Наверное, это признание должно было бы утешить, только не утешало. И, отвернувшись в постель, Демьян закрыл глаза.

– Иди уже, – велел он, чувствуя, как тяжело наваливается сонливость. – И... больше, может, тут не сиди, а то мало ли...

Не стоит так уж демонстрировать верность человеку, который очень скоро станет неуютен.

– Еще чего не хватало, – донеслось сквозь дрему.

Глава 3

Марк Львович не обманул.

Встать позволили даже следующим вечером. И Демьян, вцепившись в узкое Павлушино плечо, сумел-таки добратся до двери. Правда, у этой же двери сполз на стул, подставленный Марком Львовичем, который за сумадсбродством пациента наблюдал снисходительно, и долго дышал, пытаясь восстановить те жалкие силы, что еще оставались.

Вышло.

– Вот видите, через пару деньков и вовсе домой отправим, – Марк Львович выглядел предовольным, правда, весьма скоро улыбка его поблекла, стало быть, не все было столь гладко и хорошо. – Единственно...

– Говорите уже, – разрешил Демьян, отдышавшись. – Магом мне не быть?

– Понятия не имею. Но подобный исход, как ни печально, весьма и весьма вероятен. Изменения в энергетической структуре есть, однако... столь незначительны, ничтожны даже, что и я не скажу, признак ли это восстановления, или мне просто мерещится в силу большой на оное надежды.

То есть, восстановление все-таки возможно.

Это хорошо.

Пустота так и не появилась, как не вернулась и прежняя сила, но пока Демьян был слишком занят другим, чтобы ис-

пытывать от сего факта какие бы то ни было неудобства.

– Если... в отдаленной перспективе... с учетом естественного стремления любого организма к самоисцелению...

– Да или нет?

– Скорее всего, да, но... понимаете, – он вновь принялся тереть круглые свои очки, явно скрывая волнение. – Пока организм не восстановится в полной мере, вам следует себя поберечь.

На этот раз поднялся Демьян сам, хотя Павлуша и сунулся было с помощью, но остановился. Хороший он парень, толковый.

– И не просто в том плане, что не пользоваться силой. Боюсь, это в вашем состоянии вовсе не выйдет, но вот... исключительно предположение, интуиция, если хотите знать...

Интуицию Демьян весьма уважал.

– Мне кажется, что вам вовсе следует держаться в стороне от любых мало-мальски серьезных магических возмущений.

Значит, все-таки отставка. Если повезет, то почетная, а если нет... пенсию какую-никакую он выслужил. Хватит на скромную жизнь. Только чем в этой жизни заниматься, Демьян совершенно не представлял.

Ничего. Еще придумает.

Чай, времени на придумки теперь с избытком.

– Я вас понял, – Демьян поклонился и сказал. – Спасибо вам.

А Марк Львович отмахнулся.

– Это вам... как подумаю... мои внучки в последнее время совсем голову от танцулек потеряли, и кто бы знал, да... кто бы знал... я их в Петербург отправить думал, да только говорят, что и там беспокойно, что куда более беспокойно, чем тут. А к тетке в деревню не желают-с... что за времена пошли? Я должен думать, чего они там желают, а чего нет... безобразия полнейшее.

Он покачал головой и вышел, велел:

– Выздоровливайте, Демьян Еремеевич... выздоровливайте поскорее, а то этим, пришлым, веры нет...

Пришлые появились на третий день, когда Демьян Еремеевич окреп настолько, что вполне себе свободно разгуливал по палате. Повязки с рук сняли, а вот корсет оставили.

– А что вы думали? Позвонки ваши, считай, едва в пыль не превратились, – проворчал Марк Львович, когда Демьян посетовал, что уж больно корсет жесткий и тесный даже. – Чудо, просто чудо...

Протестовать перехотелось.

Раз чудо.

Зато больничную одежку, в которой Демьян чувствовал себя до крайности немощным, удалось сменить на домашнюю. В домашней с визитерами и толковать было легче.

– Доброго вам дня, – статский советник Никонов, личность в узких кругах весьма известная, выглядел усталым и даже больным. Сероватая его кожа, характерная для корен-

ного петербуржца, на южном солнце не загорела, но пошла красными пятнами. Кончик носа слегка облез, как и левое ухо, которое Никонов время от времени пощипывал. – Рад, наконец, знакомству.

– И я рад, – Демьян хотел было встать, ибо говорить с людьми подобными, лежа в кровати, было никак невозможно, но Никонов махнул рукой и велел:

– Лягте.

– Но...

– Целители ваши сделали все, что возможно, – сам Никонов облюбывал стульчик, на котором обычно сиживал Марк Львович, – однако мы все же взяли на себя труд...

Сопровождавший статского советника господин был того характерно неприметного вида, который получается при использовании качественных амулетов. И стоило ему приблизиться, как сердце засбоило, а Демьяна кинуло в пот.

– Надо же, – Никонов поднял руку. – И вправду... выключите это.

Господин коснулся галстука.

А после запонки.

Впрочем, лицо его все одно осталось невыразительным. Правда, при приближении его сердце Демьяна больше не норовило из груди выскочить.

Холодные пальцы коснулись висков, сдавили. Серые глаза заглянули в глаза, и... палата крутанулась раз, другой, а после вовсе пошла круговоротом, в который сознание Демьяна

затянуло. И он тонул, тонул, но никак не мог утонуть. А когда все-таки круговорот стих, Демьяна вырвало... в ведро, заботливо подставленное статским советником.

– Прошу прощения, однако мы должны были убедиться, – сказал он, поймав взгляд Демьяна. – Ситуация, уж извините, больно неоднозначная.

Мутило.

И крепко. И только упрямство не позволяло этой мути выплеснуться рвотой. Правда, на затылок легла чья-то рука, и ледяная знакомая сила избавила от горечи во рту, равно как от тошноты.

– Вам лучше? – поинтересовался статский советник и протянул кому-то ведро.

– Да.

– Говорить способны?

– Да.

– Что ж... чудесно, просто чудесно... иди, Алешенька, дальше мы сами. И скажи, чтоб не беспокоили. Да... разговор у нас, Демьян Еремеевич, будет непростой... да, весьма непростой. Воды?

– Если... можно.

Головокружение не прошло, а во рту стоял до крайности неприятный кислый вкус.

– Так оно бывает после сканирования. Понимаю ваше возмущение, но... мне надобно знать, что вы и вправду действовали по собственному почину. Хотя, конечно, ваши люди вас

весьма хвалят, да... удивительно.

– Что удивительно?

Вода показалась горькой.

– Редко кто любит начальство. Да и вас, я бы не сказал, что любят, скорее уж полагают человеком надежным и в высшей степени справедливым. Беспокоятся опять же. Не столько о вас, конечно, сколько о себе, но тоже понятно... новое начальство, оно никому не надобно, да... как вы?

– В порядке.

– Отлично. Просто-таки чудесно, – неизвестно чему обрадовался Никонов. И легким взмахом руки распахнул купол. Тошнота вновь накатила, но с ней Демьян справился.

Сел даже.

Икнул.

– Выдержите?

– Неприятно, – вынужден был признать Демьян. – Но... выдержу.

Головокружение если не вовсе прекратилось, то стало терпимым, да и прочее, помимо, пожалуй, слабости. Но и к ней Демьян привыкнет.

А статский советник смотрел с сочувствием, и это никак не вязалось с грозною его фигурой.

– Будем надеяться, что целитель ваш прав в своих выводах, и со временем вы, дорогой мой Демьян Еремеевич, восстановитесь полностью, – сказал Никонов. – Толковые люди нам надобны. Толковых людей, чтоб вы знали, мало... а тол-

ковых и преданных делу и вовсе единицы, да...

– Я... ошибся.

– Не вы, Демьян Еремеевич, не вы... вы, сколь понимаю, поступили именно так, как и должно.

– Люди погибли.

– Погибли, – согласился Никонов и повернулся к окну. Посмотрел. День выдался на редкость погожий. Солнце светило ярко, выбеливая светом своим, что стены, что камни мостовой. Зеленели деревья. Цвели петунии в высоких цветочницах.

Прогуливались дамы.

Кавалеры.

– Людям случается гибнуть, – теперь Никонов говорил тише. – И порой смерть эта кажется великой несправедливостью. Но правда в том, что справедливость вовсе понятие преотносительнейшее. А люди... мы с вами, да и они, присягу давали. И служить клялись, не щадя живота своего. И раз уж вышло, то да... лучше они или вот вы, чем те, кто вовсе к делам подобным непричастный.

Он кивнул в сторону окна.

Наверное, в другой раз Демьян согласился бы. И ныне тянуло согласиться, признать, что малой кровью он откупился от большой, заткнуть совесть ноющую раз и навсегда, но не выходило.

– Случись взрыв в ином месте, пострадавших было бы больше, в разы больше... вы слышали о крушении яжского

поезда? Или, быть может, о взрыве на Каюличском химическом заводике, где погибли семнадцать человек? Конечно, слышали. Кто ж не слышал? Известные дела, хотя и не такие известные, как крушение поезда Его императорского Величества, – Никонов от окна отвернулся, встал спиной, будто заслоняя город от Демьяна. – Это те, которые на слуху. Но вот вряд ли вы знаете, что за прошедший год было убито и ранено три тысячи шестьсот одиннадцать чиновников[1]. А с начала нынешнего состоялось уже более семи тысяч покушений, часть их удалось предотвратить, однако не все, далеко не все... к величайшему сожалению, жертв избежать не удалось.

Он сложил руки за спину, наклонился, будто разглядывая собственные туфли.

– И эта зараза множится, несмотря на все наши усилия...

Демьян все же справился со слабостью.

– Пару месяцев тому мы провели большую чистку, что весьма не по вкусу пришлось некоторым господам, которые известны своей, если позволено будет выразиться, широтой взглядов и тесными связями с заграницей. К сожалению, фигуры вовсе не того толка, которые нам позволено трогать без веских на то причин, а доказательств... доказательств причастности оных к делам недобрым нет.

Никонов ковырнул носочком пол. И обратил взгляд свой на Демьяна.

– Нам удалось изрядно ослабить эту их, так называемую,

Боевую организацию, и мы, говоря по правде, понадеялись, что в весьма скором времени и вовсе избавимся от этой проблемы. Однако же...

– Не вышло?

– Не вышло, – Никонов обошел палату, которая была невелика. Остановился у белесой стены, единственным украшением которой была пара лубочных икон. – Не просто не вышло, но, боюсь, все куда сложнее...

Он повел шеей в одну сторону, а после в другую, будто стал вдруг тесен воротник кителя.

– Серпа мы знаем. Проходил по паре дел. Уж пять лет, как погибшим числился, что удивительно, да... а вот спутники его из новых, но с опытом. А значит, взяли мы не всех, но, полагаю, лишь тех, кого нам кинули, словно кость собакам.

И вот теперь Демьян ощутил в словах статского советника гнев.

Дернулись крылья хрящеватого носа. Полыхнули на впалых щеках пятна румянца. И нижняя губа выпятилась, будто бы снедала Никонова глубочайшая обида. И обиду эту он не скоро позабудет.

– Ничего... всех найдем... воздадим по заслугам, – неожиданно бодро произнес он и, повернувшись к Демьяну, продолжил. – Полагаю, что взрыв, случись он там, где планировалось, стал бы своего рода заявлением, что Боевая организация жива и в полной силе пребывает, да... это многих бы воодушевило. А уж известия о новом оружии...

Он развел руками и громко хлопнул.

– Извините. Порой накатывает. Так вот... о чем это я? Ах да... полагаю, ваши весьма смелые действия не только спасли множество жизней, но и отвесили пощечину всей этой, прости Господи, швали.

Демьян нахмурился.

А Никонов, сунув руку в китель, вытащил сложенный вчетверо листок, который и протянул.

– Прочесть сможете? – поинтересовался он весьма вежливо.

– Это...

Демьян прочел.

Дважды.

В первый раз – шевеля губами, проговаривая каждый слог, потому как бледные буквы, почти сливавшиеся с темным бумажным фоном, скакали и расплывались, а общий смысл ускользал.

– Ваш смертный приговор, – подсказал Никонов, наблюдая за Демьяном превнимательно. – Боюсь, не без нашего участия. Пришлось несколько подтолкнуть. Это было несложно. Пара хвалебных статей в газетах. Представление к ордену за ликвидацию ячейки этих, с позволения сказать, народных освободителей...

Орден, значит.

– И вот уже...

...приговор впечатления не произвел.

Странно.

Демьян ведь слышал о подобных бумаженциях, отправленных по почте, порой с нарочными или курьерами, спрятанных в букетах ли цветов, в коробках ли с сигарами. Слышал о том, что находили их в местах самых неожиданных, и уже потому самим фактом своего появления вызывавших страх. Ведь, коль не удалось уберечь Его императорское Величество, что говорить о простых людях? Вот только Демьян страха не ощутил. Напротив, в душе появилось этакое предвкушение.

– Вижу, в вас не ошибся.

– Значит, я...

– Нет, дорогой мой Демьян Еремеевич, вы у нас, конечно, личность прегероического толку, но вот для активных действий ныне негодная.

Это было... пожалуй, обидно.

Никонов вскинул руки.

– Не хмурьтесь, Демьян Еремеевич, не хмурьтесь. Вам о здоровье думать надобно. О том, чтобы восстановиться поскорее, на службу вернуться... к слову, как вы отнесетесь к переезду? Пусть не Петербург, но вот Москва... большой город, шумный и бестолковый во многом. Порядку там не хватает... и люди, способные оный навести, нужны... и вновь хмуритесь? Не желаете? Да, да, помнится, вам уже случилось в Москве бывать, а после перевели, не знаю уж, кому вы там не угодили, но ныне ситуация иная. И чинить вам препон

никто не станет. Так что... время подумать у вас будет. А пока... будущий герой, которого, возможно, наградит сам император лично, как это водится с героями, завтра отправится поправлять здоровье в закрытом пансионе близ Петербурга, куда он был доставлен особым распоряжением статского советника Никонова. Впрочем, это уже не так и важно.

Никонов прищурился, а от улыбки его у Демьяна холодок по спине побежал.

– Естественно, время от времени в газетах будут печатать новости. Скажем, о том, что выздоровление идет своим чередом... о подготовке к торжеству... о присвоении очередного чина. Или не очередного? Возможно, что и подвинуть выше получится.

– Вы их дразните.

– Не без того. Я хочу, чтобы для них ваше устранение стало первостатейной задачей, – он потер руки. – И полагаю, добиться того будет не так, чтобы сложно. А уж там мы постараемся организовать удобный случай. И мои люди не оплошают.

В этих словах почудился укор, который Никонов угадал.

– Это не упрек вам. Ваши люди и так сделали больше, нежели в силах человеческих. И поверьте, Его императорское Величество умеет награждать за службу. Никто не будет забыт. Но... дело, да... наше с вами. Сегодня вас отпустят. Целитель ваш, конечно, не сказать, чтобы рад, но и особых возражений не имеет. Физически вы восстановились если не

полностью, то почти. А с прочим, по собственному его признанию, он помочь вам не способен.

Сегодня?

Не то, чтобы Демьян возражал. Напротив, он устал от госпиталя, от палаты этой, от окна и собственной немощности, однако ведь Никонов пришел вовсе не для этого душевного рассказа. И статский советник не обманул.

– Мои люди сопровождают вас до квартиры. И организуют охрану, что весьма естественно в нашей ситуации...

– Что от меня нужно?

– Немного крови и согласие на обряд замены, – Никонов смотрел прямо и серьезно. – Поверьте, человек, который займет ваше место, в достаточной мере опытен, чтобы здраво оценивать риски. И силен. И ему случалось прежде работать в... подобных непростых ситуациях.

Замена?

Ритуал, пусть и не относящийся к запрещенным, но сложный и опасный для обеих сторон, а потому используется крайне редко. В особых, так сказать, случаях. И выходит, что случай особый?

Особее некуда.

– Я понимаю ваши опасения, но... все будет происходить в Петербурге, отчасти потому, что там у вас знакомых нет, верно? Вы начинали там службу, но это было давно...

...и никто не заметит, сколь вдруг переменялся Демьян Еремеевич, ведь, если можно передать внешность свою и го-

лос, и ауру другому человеку, то с повадками куда как сложнее.

– И беспокоиться вам не о чем. Мой человек не позволит ничего, что повлияло бы на вашу жизнь и репутацию.

Вот о репутации Демьян заботился менее всего.

– А мне что останется делать?

– Вам? Отдыхать... у нашего ведомства в Гезлёве неплохая санатория имеется, аккурат для людей, которые ущерб здоровью имеют. И само место тихое, курортное, самое оно, чтобы в себя прийти. Так как, согласны?

Будто у него выбор имелся.

Демьян кивнул.

– Чудесно... – обрадовался Никонов. – Просто-таки чудесно... вот увидите, Демьян Еремеевич, все у нас получится, все сладится. И возьмем мы этих сволочей с поличным. А если повезет, то не только этих, но и всех, кто против Империи умышляет.

[1] В нашем мире в период с 1901 по 1917 год жертвами революционного террора стало около 17 тыс. человек (из них примерно 9 тыс. – в период Революции 1905–1907 годов).

Глава 4

...неделя.

И это была самая длинная неделя в жизни Василисы. И даже теперь, стоя на перроне, она до конца не могла поверить, что у нее и вправду получилось.

Она... уезжает?

– Может, еще раз подумаешь? – в отличие от Марьи, которая, единожды приняв решение, больше не возвращалась к нему, Александр был непривычно хмур. Идея Василисы ему не нравилась, причем категорически.

– Я уже думала.

А вот Марья и провожать не пришла.

Зато букет прислала. С карточкой. И теперь Василиса пыталась понять, как ей управиться с огромным этим букетом, из которого норвила вывалиться карточка, сумочкой и дорожным саквояжем. Впрочем, саквояж держал Александр, причем обеими руками, то ли потерять опасаясь, то ли иной какой напасти.

На людей он поглядывал хмуро, с подозрением.

А было людно.

Вокзал кипел жизнью. И, говоря по правде, в толчее этой, в суете, захлестнувшей всех и каждого, от того степенного господина, сопровождаемого тремя молодыми людьми, по виду приказчиками, до шустрого мальчишки-разносчика,

Василиса чувствовала себя неудобно.

– Все равно не понимаю, – Александр отступил, пропуская пухлую дамочку во вдовьем темном наряде, но с лицом румяным и донельзя довольным. – Почему нельзя подождать? Через пару месяцев у меня вакации начинаются, тогда бы и поехала. А я тебя сопроводил.

Василиса не сдержала вздоха, благо, тот утонул в протяжном свисте паровоза. Состав, окруженный облаками пара и силы, вползал на перрон. И толпа, до того занятая своими делами, вдруг отступила, подалась назад в едином движении. Если бы не Александр, Василиса не устояла бы. Ее вдруг потянуло, толкнуло на Александра, который подхватил под локоток, не позволив упасть.

– Не надо меня сопровождать, – произнесла она тихо, не сомневаясь, что услышана не была. – В конце концов, я уже взрослая...

Она оглянулась и замолчала.

Не Александр.

Ее держал не Александр, а совершенно незнакомый господин в сером шерстяном пальто. И не жарко же ему! День ныне солнечный, тепло уж совсем по-летнему.

– Простите, – Василиса смутилась несказанно. А господин, отпустив ее, поклонился. И отступил в сторону. И исчез, будто бы его и не было.

– Вася! Вася, ты где?! Вася...

– Тут, – приподнявшись на цыпочки, Василиса помахала

рукой.

Она хотела было двинуться навстречу, но люди... вдруг их стало столько, что, казалось, еще немного – и Василиса утонет в этом человеческом море. Одни спешили покинуть вагоны, другие столь же торопливо, будто опасаясь, что поезд уйдет без них, протискивались ко входу. То тут, то там раздавались протяжные свистки. И голоса. Ноющие и возмущенные, преисполненные раздражения, требующие, уговаривающие.

– Не стоит подходить ближе, – ее руки вновь коснулись, потянули от толпы. – Сейчас все успокоится.

– Спасибо.

Василиса сказала это вполне искренне, и знакомый уже господин чуть склонил голову, показывая, что принимает ее благодарность.

– А... это всегда так?

Она крутила головой, пытаясь разглядеть среди толпы Александра.

– Так ведь день субботний, – ответили ей так, будто это что-то да объясняло. А после, верно, поняв, что не понимает Василиса подобного объяснения, сказали. – Многие едут к морю. А те, кто живет у моря, сюда, чтобы по городу погулять или вот на базар.

Мимо, распахивая толпу руками, не замечая вовсе, казалось, куда идет, шествовала весьма корпулентная женщина. На груди ее висела сумка, еще две, раздувшиеся до крайности.

сти, она держала в руках. А сзади нее, пыхтя от натуги, волочил тележку тощий мужичонка.

– Тем более, что из-за ремонта путей утренний поезд отменили, вот нагрузка и выросла, – женщину господин проводил рассеянным взглядом.

А Василиса позволила себе разглядеть этого случайного спутника.

Не стар.

И не молод. Не... она с трудом удержала улыбку. Морок был хорош, он не столько менял лицо, сколько рассеивал внимание.

– Вась, вот ты где... – Александр все-таки пробился и смеялся господина преподозрительным взглядом. – Тебя ни на минуту оставить нельзя. Идем.

– Спасибо вам, – Василиса произнесла это тихо, отчего-то не сомневаясь, что будет услышана. И легкий кивок подтвердил ее догадку.

– А я Марье говорил, что на автомобиле тебе удобней будет... а она мне... двенадцать часов... ну да, поездом оно быстрее, но все равно... Боже ты мой, какой кошмар...

– Это потому что суббота. И поезд утренний отменили из-за ремонта путей...

– Ремонта? – Александр фыркнул, и звук получился довольно громким. – Взорвали их.

– Кого?

– Пути. Потому и пускают теперь поезда в обход, – он

вдруг спохватился и замолчал, насупился, нахохлился, как в детстве, когда полагал, что его несправедливо обижают. Василиса не торопила. Они шли по перрону, людей на котором не становилось меньше – напротив, они прибывали и прибывали, исчезая в огромных коробах вагонов.

Вот зеленые, четвертого класса[1], что даже снаружи выглядят донельзя потрепанными. Краска, наложенная в несколько слоев, облупилась, и сквозь нее то тут, то там проглядывала темная волглая древесина. Лишенные крыши, они походили на загоны, в которые с непонятным упорством стремился люд. Александр потянул в сторону, да и сама Василиса рада была отступить. Облепившая вагон толпа гудела, и в гуле этом слышалась угроза.

– Прицепили только пару. Всех не возьмет, – сказал Александр. – Люди злятся и...

Единственный вагон третьего класса гляделся ничуть не лучше, и народу рядом было не меньше. И Василисе вдруг подумалось, что ехать сегодня вовсе не обязательно, что она может подождать и до завтрашнего дня или вовсе до понедельника. А то и вправду взять автомобиль, хотя на автомобиле точно дольше получится.

Да и не отдаст Мария.

Пока ее собственный, заказанный в Петербурге, не прибует, она семейный никому взять не позволит, найдет тысячу и одну причину...

– Неспokoйно, – Александр зашагал быстрее, благо, лю-

дей стало меньше. Возле «дилижансов»[2] публика держалась куда как более приличная.

– Где?

– Да везде... ты, Вась, иногда газеты почитывай.

– Я читаю, – возразила Василиса, разглядывая прелестного вида шляпку, что несказанно шла юной особе. Сама же особа вертелась подле маменьки, и короткая, пожалуй, на грани приличия юбка ее обвивалась вокруг стройных ножек на радость мрачного вида господам. Господа держались в отдалении и курили. И пряный сигарный дым смешивался с запахом горячего металла и карамели.

– Не только те страницы, где рецепты печатают, – уточнил Александр. – Народники снова бузят. И пути взорвали. Третьего дня... об этом, правда, не писали. В отместку за Лапшина, что он им город взорвать помешал. Только об этом тоже не писали, но знающие люди говорят. Там... сложно все. Вот...

Василиса кивнула.

Она понятия не имела, кто такой Лапшин и что надобно этим народникам.

Вагоны первого класса сияли свежей синей краской. Она даже, казалось, поблескивала, как и массивные двойного стекла окна, прикрытые лазоревыми шторками.

– Так что... может, все-таки не поедешь?

– Думаешь, взорвут? – Василиса поняла, что шутка вышла донельзя неудачной. Александр нахмурился еще сильнее. И

вправду думал? И она, коснувшись рукава, сказал: – Все будет хорошо.

Серьезный кондуктор в темном мундире принял билеты.

– Сам подумай, что может случиться? Я сяду здесь. Выйду на конечной. Там уже Ляля будет, и Сергей Владимирович бричку обещал прислать.

Александр тряхнул головой, все еще не согласный, однако не знающий, какими еще словами донести это свое несогласие.

– Настасья ведь по всей Европе разъезжает...

– Так то Настасья, – пожал он плечами. – Что ей станется?

И вправду, что...

– И мне ничего не станется, – Василиса улыбнулась и, поднявшись на цыпочки, коснулась щеки губами. И когда только он, их Сашенька, милый пухлый мальчик, успел вырасти? – А ты, как вакации начнутся, навести, ладно?

– Конечно.

– И Марью не слушай, – Василиса убрала пылинку с серого пиджака. – Иди туда, куда душа зовет... славы у нашего рода и так довольно.

Александр хмыкнул и, взяв Василису под руки, просто поднял ее и поставил на ступеньки.

Пахло деревом.

И воском, которым это дерево натирали до блеска. Еще самую малость – лавандой. Александр огляделся. Кивнул пухлому толстяку, что занял место у самого окна, раскланял-

ся с той самой юной особой в шляпке и ее матушкой, которая тоже шляпку имела, но вовсе не такую чудесную. Поклонился уже знакомому Василисе господину, что устроился с самого краю.

– Цветы забери, – спохватилась Василиса.

Саквояж ее исчез под массивным креслом, что выглядело ужасающе огромным. В этакое и толстяку-то было просторно, а вот Василиса и вовсе потерялась.

– Так...

– Забери, – она сунула несколько поистрепавшийся букет. – К чему они мне?

– А мне?

– Подаришь кому, – Василиса точно знала, что у него есть... женщина. Об этом Марья говорила. Не Василисе. Кто решится смущать ее этакими разговорами? Нет, сестрица отчитывала Александра за неподобающее поведение, за то, что женщину свою он осмелился куда-то вывести и не туда, куда позволено водить подобных особ. И вовсе в связях следовало бы проявлять большую разборчивость. – И иди уже... ничего со мной не случится.

...с таким-то количеством артефактов, которые на нее повесили. Верно, даже если вдруг поезд взорвет, она, Василиса, уцелеет.

Раздался протяжный гудок.

– Ты...

– Как только приеду, сразу позвоню. Там ведь есть теле-

фон? Хотя бы на станции?

В доме-то аппарата не имелось, но Сергей Владимирович обещался решить проблему в самом скором времени.

Протяжный гудок пронесся по-над поездом.

И Александр ушел.

А Василиса, странное дело, еще недавно желавшая остаться в одиночестве, вдруг остро это самое одиночество ощутила. И захотелось скорее схватить саквояж и побежать следом, сказать, что она передумала, что подождет этот самый месяц до начала вакаций. В конце концов, у старых дев времени избыток, все это знают, а там...

...Марья заговорит о помолвке.

Ей понравилась идея супруга и, стало быть, весьма скоро в доме появится новый человек, которого станут приглашать по любому поводу в надежде, что Василиса ему хоть сколько-то глянется. Или не ему, но кому другому. Мало ли во круг достойных людей попадает в затруднительные обстоятельства.

А Марья станет нашептывать, что другого-то шанса может и не быть.

Что уходит время.

Что давно-то Василисе следовало бы замуж выйти, тем паче она одна из всех и вправду будто для замужества создана, ни на что-то иное не годна. Так стоит ли отказываться... и Василиса не устоит. Снова.

Будет робкое объяснение.

Ложь о любви.

И разговор с родственниками. Очередное объявление о помолвке, которое заставит весь свет замереть в осторожном ожидании. Может, и ставки станут делать. Точно станут, чем будут несказанно злить Александра. Марья же, как обычно, не замечая того, что ей не по вкусу, займется приготовлениями к свадьбе. Мода-то с прошлого раза изменилась...

...и, быть может, все пойдет хорошо, если не сказать – обыкновенно, как у других людей. И сама Василиса поверит, что в этот-то раз получится, но потом...

Владимир сломал руку.

Всего-то.

И этого хватило, чтобы расторгнуть помолвку.

Она обняла себя, но тут же спохватилась, где находится. И очередной гудок развеял остатки печальных мыслей. Пускай... хватит с нее этих игр в невесту, и прочего тоже.

Что-то заскрежетало.

Дернулся вагон, заставив юную особу тоненько взвизгнуть, а матушку ее – нахмуриться. Пухлый господин достал сигару, но после недолгого раздумья убрал ее. А поезд тронулся, мягко, осторожно, будто крадучись. За окнами поползли столбы и перрон. Мелькнул и исчез Александр, прижимавший к груди огромный букет. Ненадолго стекло заволокло паром, который превратился в капельки воды. И показалось, что там, снаружи, дождь.

Вагон медленно проплыл мимо здания вокзала.

Потерялся ненадолго среди иных вагонов и поездов, чтобы вырваться, наконец, на свободу. Ход ускорился. Столбы мелькали чаще, а с ними – и редкие деревья.

Поля.

Дороги.

[1] В вагонах четвертого класса, самых дешевых, пассажиры путешествовали стоя, не имели вагоны ни освещения, ни отопления, также лишены были рессор.

[2] Вагоны второго класса, в них устанавливали мягкие сиденья без подлокотников, на пять пассажиров каждое.

Глава 5

Василиса не знала, как долго разглядывала картинку за окном, замороженная этою сменой пейзажей. Марье бы понравилось. Она бы, может, даже акварель написала. В последнее время в моду вновь вошли пасторали.

Подали чай в высоких стаканах. Подстаканники сияли серебром, как и щипцы для сахара, и серебряные ложечки. Белел фарфор. Сдоба пахла ванилью, но чересчур уж резко, почти назойливо. И Василиса поморщилась. Хотя вряд ли кто-то, кроме нее, обратит на сию мелочь внимание.

Девушка, избавившись от шляпки, – под ней обнаружилось облако золотых кудряшек – взяла маковый крендель и поднесла к глазам, разглядывая его весьма пристально. И даже нахмурилась, но после все же снизошла и отщипнула крошечку.

Кинула в рот.

И уставилась на Василису.

Правда, вскоре ее вниманием завладел тот самый господин, которому все же следовало бы представиться, раз уж судьба столь часто их сводит. Но он промолчал, а сама Василиса не обладала той смелостью, которая досталась Настасье. Вот уж кто не стеснялся нарушать приличия и первой представляться. Господин же прикрыл глаза и сделал вид, что дремлет, хотя Василиса и слышала его дыхание – ровное

и спокойное, но вовсе не такое, как у спящих.

Пускай.

А девица перевела взгляд на толстяка, который не притворялся, но сосредоточенно жевал ватрушку, прихлебывая сладкий – а после пяти кусков сахара он иным быть не может – чай. А под взглядом этим он вдруг засмутился.

Покраснел.

И ватрушкой подавился.

– Нюся! – с легким упреком произнесла женщина. А девица лишь дернула плечиком. И одно это слово, разрушив блаженную тишину, будто дозволило ей говорить.

– А что я? Я ничего... скукотень какая, правда? А мы в Гезлёв едем. А вы куда?

Ответом было молчание. И Василисе вдруг стало жаль эту девушку, которая ничего-то дурного не хотела. Вон как сцепила тонкие, почти хрустальные руки. И в огромных лазоревых очах появилось обиженное выражение, того и гляди расплывется.

– И я в Гезлёв, – ответила она.

– А куда? Маменька хотела в «Талассу»[1], но оказалось, что там мест совсем нет! Представляете, ужас какой!

– Нюся...

– А я ведь говорила, что надобно еще с зимы договариваться, там санатория приличная. Зато маменькина подруга собиралась в villa «Carmen», но после передумала, потому что у ней дочка замуж выходит. Такая дура...

– Нюся!

– Так ведь дура и есть! Зачем выходить за первого попавшегося, кто предложение сделал?! И ладно бы красавец какой или богатый, так нет, чиновник из этих... из жандармов, – Нюся скривила прехорошенький нос.

– Что плохого в жандармах? – подал вдруг голос господин.

Он избавился от серого своего пальто, оставшись в сером же невыразительном костюме, впрочем, весьма недурного качества.

– А что хорошего? – Нюся тряхнула кудряшками. – Они волю народа подавляют! Кровавые псы режима...

– Нюся! – женщина даже привстала. – Извините, она у меня...

– Очень непосредственна, – господин позволил себе улыбку.

– К сожалению, – мрачно произнесла женщина и, приложив ладонь к груди, представилась. – Ефимия Гавриловна Рязина. Из мещан... и вправду... подруга предложила... места оплачены, не пропадать же. Хотя и неудобно получилось. Но...

– Ой, мам, говори уже прямо, что свадьбу никак не перенести. И без того младенчик на свет недоношенным появится, – Нюся захихикала.

А Василиса подумала, что эта девушка ей совершенно не нравится.

– Демьян Еремеевич, – представился господин.

– Курагин. Степан Федорович, – произнес толстяк неожиданно тонким голосом. – Писатель.

– Василиса... Александровна, – Василиса слегка запнулась – ей нечасто приходилось представляться по батюшке.

– Тоже на море?

– Да, – она робко улыбнулась женщине.

– В санаторию?

– У меня там дом. От тетушки остался.

– Повезло, – влезла Нюся. – А от нашей тетки, если что и останется, то только куча барахла...

Женщина вздохнула и виновато произнесла:

– Одна растила... недоглядела. Муж преставился, когда Нюся совсем крошкой была. Пришлось дело в свои руки брать, а оно времени требует. На нянек понадеялась, а теперь... – она махнула рукой. А Нюся обиженно выпятила губу, впрочем, надолго ее не хватило.

– У маменьки кроме фабрик еще пять лавок имеется, суконных... скукотень. Я ей говорила, что надобно модный дом открывать, а она не хочет.

Упомянутая маменька поджала губы.

– Я ж уже и согласная была фасоны рисовать! У меня очень хорошо рисовать получается... вот видели мою шляпку?

– Чудесная, – согласилась с ней Василиса.

– Мне маменька в Петербурге купила. А я еще лучше могу! – она замолчала, правда, ненадолго, явно раздумывая, о

чем же заговорить вновь. По лицу было видно, что нынешняя компания Нюсе категорически не нравится, что все эти люди скучны и приземлены, и говорить с ними не о чем, однако же приходится. – А кто вас провожал? Муж?

– Брат.

Нюся откровенно оживилась.

– А он женат?

– Пока нет, – Василиса сказала и подумала, что это именно тот случай, когда следовало бы солгать, но как-то никогда-то у нее не получалось выдумать хоть сколь бы правдоподобную ложь.

– Видите, маменька, не все приличные люди женаты, – Нюся ткнула маменьку локотком в бок. – А то вечно норовите мне какого-то старикашку подсунуть. А зачем мне старики? Что толку от мужа, которому тридцать лет...

– Александру больше двадцати, – на всякий случай уточнила Василиса.

– Так ведь не тридцать же! И не тридцать три. В тридцать три порядочные люди о женитьбе не думают.

– А о чем думают? – подал голос Демьян Еремеевич.

– О похоронах!

– Нюся!

– Что, маменька? Я ж правду говорю! Вам когда еще тетка говорила, что пора уже гробовые откладывать, а то вдруг помрете ненароком от старости, и что мне тогда?

Демьян Еремеевич отвернулся к окну, как показалось Ва-

силисе, пытаюсь скрыть улыбку. Нюся же продолжила:

– А вы мне адресок дадите? Скажите брату вашему, что мы с маменькой на villa «Carmen» отдыхать будем, что люди мы приличные, у меня и приданое есть. А как маменька помрет, то и заводики, и мануфактурочки, и лавки все мне в хозяйство отойдут, тогда-то я их продам и модный дом открою.

Она мечтательно прищурилась.

– Или лучше кабаре? Мне одна подружка писала... так-то она не особо умна, но в Петербурге живет. Я маменьке тоже говорила, зачем нам надобен этот Ахтиар[2]? В Петербурге ныне вся жизнь. Я хотела к подружке поехать, так не пустила же, – Нюся всплеснула хрустальными своими ручками, едва не опрокинув притом стакан с чаем. – Говорит, что невозможно одной, будто у нас ныне темные времена.

– А не темные? – Демьян Еремеевич разглядывал то ли окно, то ли собственное в нем отражение, несколько мутноватое, правда.

– Нет, конечно. Просвещенные, – она поерзала, устраиваясь поудобней. Огромное кресло было ей велико, а темный бархат обивки лишь подчеркивал Нюсину хрупкость. – Ныне женщина не должна сидеть дома взаперти, не имея прав ни на что. Ныне она свободна в своих желаниях. И может делать, что хочешь. Замуж там идти или кабаре открывать...

– Нюся, – выдохнула Ефимия Гавриловна, платочком смахивая то ли слезу, то ли пылинку со щеки. – Что ты такое

говоришь?

– Правду, – Нюся задрала голову. – Против правды не по-прешь. Пришел конец вековому угнетательству...

– Вы из суфражисток будете? – поинтересовался Демьян Еремеевич, повернувшись таки к Нюсе. Он разглядывал ее с немалым интересом, будто только-только заметил. – Или сразу из революционерок?

– А что? – произнесла Нюся с немалым вызовом.

– Ничего. Интересно просто.

– Чего интересно? – светлые бровки слегка нахмурились. – Или думаете, что женщина только и должна, что борщи варить и дома сидеть? Для того кухарки имеются.

– Не у всех.

– Это все нянька... избаловала ее, – Ефимия Гавриловна сняла-таки шляпку и пригладила светлые, сдобренные серебряной паутиной седины, волосы. – Все-то позволяла, а я только и думала, что, коль дитё счастливо, то так оно и надо... и дела постоянного внимания требовали. Ныне-то управляющие работают, но за ними тоже глаз да глаз. Чуть почуют слабинку, мигом в конец разворуются...

– Просто вы, маменька, с людьми работать не умеете, – сказала Нюся с упреком. – К людям подход нужен, а не это ваше сплошное угнетательство.

– Кого я угнетаю? – искренне возмутилась Ефимия Гавриловна.

– Всех! Меня так точно.

– Когда?

– Когда замуж выпихнуть пытались за этого вашего...

– Фрол Аксютрович – достойный господин, миллионщик, у него и тут лавки, и в Москве имеются. И другая бы за такого жениха обеими руками уцепилась, а эта... горе ты мое, наказание Господне, – Ефимия Гавриловна размашисто перекрестилась.

– Он старый...

– Всего-то тридцать три...

– И толстый!

– Степенный! – возразила Ефимия Гавриловна. – И тебя бы баловал. Уж как бы баловал... были бы у тебя и бусики жемчужные, и кружева, и платья всякие. Глядишь, ласково держалась бы, и кабару твою открыл бы. Или дом модный.

– Я и без него справлюсь, – отмахнулась Нюся, закрывая вопрос с несостоявшимся замужеством. – Вот вернемся, ты мне одну лавку дашь и увидишь... я все придумала!

Разговор этот становился донельзя утомителен, и Василиса, допив остывший чай, отставила стакан. Она прикрыла глаза, надеясь впасть в полудрему, но тоненький Нюсин голосок изрядно мешал.

– Если хотите, – неожиданно произнес Демьян Еремеевич, очень тихо, так, что услышала одна лишь Василиса, – я полож поставлю. Отдохнете.

– Не стоит... – Василиса смутилась.

Если заметят, будет неудобно.

– Бросьте. Вы явно устали, а подобные особы порой... привлекают чересчур много внимания... – и, не дожидаясь ответа, Демьян Еремеевич коснулся запонки на правой руке, пробуждая скрытый артефакт. – Да и я сам, признаться, хочу отдохнуть. А ставить полог, чтобы спрятаться от шумной девицы... как-то оно не по-мужски. Другое дело, если даме помочь...

Василиса улыбнулась.

– В таком случае буду весьма вам благодарна...

Звуки полог гасил не полностью, но и голоса, и грохот колес вдруг показались невероятно далекими. Свет слегка померк, и Василиса с немалым наслаждением откинулась на спинку кресла. Она и вправду хотела спать. Ночью-то не спалось.

Мысли всякие в голову лезли.

Сомнения.

А тут вот... Она сама не заметила, как задремала, и проспала, верно, долго, если очнулась от боли в шее. После поняла, что не только шея болит, но и все тело с непривычки. Кресло, пусть и весьма удобное, для сна предназначено не было.

Василиса потянулась.

И вспомнила, где находится. Господи, неудобно-то как... после она уж заметила, что «берлинер»[3] их пуст.

Почти пуст.

– Доброго дня, – Демьян Еремеевич чуть поклонился. –

Вы так сладко спали, что будить вас совершенно не хотелось.

– А... где все?

– Решили прогуляться. Кастрополь[4]. Стоим четверть часа.

– А вы?

Василиса поглядела в окно, но увидела лишь пыльный перрон да людей на нем.

– Как-то не в настроении гулять. Да и бросать вас в одиночестве показалось неправильным.

– Спасибо.

Она все же поднялась, жалея, что здесь, в вагоне, нельзя помахать руками или сделать пару приседаний, не говоря уже об иных упражнениях, безусловно, полезных для кровотока и тела, но все ж таки не совсем приличных вне гимнастической залы.

– Не за что. Если хотите... – Демьян Еремеевич указал на дверь. – Мы только остановились...

– Нет, пожалуй, – через окно Кастрополь не вызывал ни малейшего желания прогуляться. Скорее уж напротив – казался он унылым, серым и донельзя суетливым. Вдоль поезда сновали грузчики со своими тележками, мальчишки-газетчики, разносчики и разносчицы съестного, лоточники и прочий донельзя занятой люд. – А... вы не знаете, здесь есть ресторан...

Спросила и покраснела.

Получается, будто Василиса напрашивалась, а она просто

голодна. И вновь же сама в том виновата. Утром кусок в горло не лез от волнения, а к обеду времени не осталось, вот и...

– Есть. Вас проводить?

– Если... вас не затруднит, – у нее никогда не получалось держаться с людьми так, как у Марьи, – с холодной приветливостью, с отстраненностью, которая, однако, не позволяла бы упрекнуть в презрении к собеседнику.

– Ничуть. Я бы и сам, но как-то... вот... – показалось, что Демьян Еремеевич слегка смутился, чего быть не могло, потому как мужчины не смущаются.

С другой стороны, следовало признать, что о мужчинах она знала не так и много.

– Буду рада, – она бросила взгляд в зеркало, убеждаясь, что коса, если и растрепалась, то не настолько, чтобы выглядело это совсем уж дурно, что платье, конечно, измялось, несмотря на обещанную особую обработку ткани. Что сама она, Василиса, не стала сколь бы то ни было симпатичнее.

Все то же чересчур округлое лицо с пухлыми щеками и крохотным носом.

Брови дугами.

Крупные губы.

И глаза раскосые, напоминающие о дурной крови степняков, о которой Радковские-Кевич и рады были бы забыть.

– Прошу, – Демьян Еремеевич предложил руку. И Василиса ее приняла, а после спохватилась, что, возможно, не следовало бы делать этого, что Марья точно не одобрила бы

подобной вольности, и Настасья тоже не одобрила бы, пусть и по иной причине: женщина вполне себе сама ходить способна. Так бы она сказала.

Но ни Марьи, ни Настасьи в вагоне не было.

А Демьян Еремеевич был.

И от него пахло камфорным спиртом, травами и самую малость – целительской магией. Этот едва уловимый, пряный аромат заставил Василису принюхиваться, выискивая малейшие его оттенки.

Вагон-ресторан располагался не так и далеко. Пара узких коридоров и еще более узких мостиков, переступать по которым было страшновато, хотя Василиса и понимала, что поезд стоит, что, даже если бы он ехал, никакой бы опасности не существовало, но вот... она с трудом удерживалась, чтобы не вцепиться в руку Демьяна Еремеевича.

А тот делал вид, что не замечает ее страха, за что Василиса ему была несказанно благодарна.

Пахло съестным.

И запахи эти окружили, привычно успокаивая, отвлекая, заставляя разбираться в них. Вот терпкость бадьяна, довольно агрессивного, и мало кто из поваров рискует пользоваться им. А вот мягкая свежесть мяты, ее, напротив, суют, кажется, всюду, порой изводя совершенно безо всякого смысла, но исключительно по моде.

Горьковатый анис.

И тонкий, едва уловимый флер тимьяна.

Розмариновый букет на мясе, которое пронесли мимо них, заставил Василису обернуться и сглотнуть. Мясо выглядело приготовленным если не идеально, то к тому близко.

[1] Санаторий «Таласса» – один из первых российских санаториев.

[2] В нашей реальности ни один из проектов железной дороги, которая должна была бы связать Крым с Империей, так и не был реализован до революции.

[3] Название вагона первого класса.

[4] Одна из станций железной дороги, которая планировалась Ф.Ф. Баталиным, но так и не была построена.

Глава 6

Демьян чувствовал себя до крайности глупо.

Пора бы уже привыкнуть.

Тот, чьего имени ему так и не сказали, собственное обличье Демьяна примерил легко, и видно было, что не испытывает он ни малейшего неудобства. А вот на себя Демьян со стороны смотрел и удивлялся, неужели он и вправду такой?

Крупноватый.

Неловкий какой-то. И двигается будто урывками, и имеет неприятную привычку замирать, уставившись взглядом куда-то за спину собеседника. И хмурится постоянно. Тот, другой, он ведь неспроста. Он сперва дня два подле Демьяна находился, почитай, неотлучно. Наблюдал. Повторял.

Перенимал.

Копировал столь тщательно, что под конец Демьян сам едва не поверил, что этот вот человек, сидевший напротив, и вправду он сам. Человек был определенно болен и за время болезни исхудал. И добротный, пусть и слегка поношенный костюм из собственных запасов Демьяна откровенно был ему великоват. Мешком повис пиджак, а брюки удерживались единственно на ремне, в котором пришлось для того дырки добивать.

– Может... – робко предложил Демьян себе же, другому, – новый...

– В Петербурге, – отмахнулся он сам. – Старые вещи придают облику достоверности. А нам нужно, чтобы все поверили, что в столицу прибываете именно вы.

Он улыбнулся, чуть кривовато и неловко, будто извиняясь, что вынужден был взять облик, а собственный его оказался каким-то...

Не таким?

Пожалуй.

Обряд прошел обыденно. Правда, после него Демьян почти сутки пластом лежал. И Марк Львович, вызванный в квартиру, долго качал головой, а во взгляде его виделась укоризна – все ж людям надо больше внимания уделять собственному-то здоровью. Впрочем, говорить ничего он не стал, и за это молчание Демьян тоже был ему благодарен.

Никонов появился уже потом, после, и, оценив результат, хмыкнул:

– Это лучше, чем вовсе ничего...

Именно тогда Демьяну подали зеркало, и он понял, что обряд, если и прошел, то вовсе не так, как ожидалось. Отражение было... знакомо.

Лицо гляделось одновременно и чужим, и своим, будто кто-то свыше взялся вдруг переменить привычные черты его, да после передумал, бросив дело на половине.

Подбородок вот тяжеловат получился.

А брови и глаза вовсе не переменились.

Нос стал тоньше и горбинка на нем, бывшая, пожалуй,

единственным, кроме дара, явным свидетельством иной, немещанской крови, переменилась. Теперь в ней виделся не этакий намек на высоких предков, а скорее след давнего неудачно сросшегося перелома. Волос посветлел, но опять же неровно, и пегая этакая шевелюра раздражала неимоверно.

Руки стали тоньше и изящней, вот только смотрелось это с прежним массивным телом по меньшей мере нелепо.

– Да, от пляжных костюмов вам лучше воздержаться, – вынес свой вердикт Никонов. – И амулет мы вам дадим, чтоб внимание рассеивать. Раз уж оно так... неудачно вышло. Хотя, конечно, странно, да... странно...

Он обошел Демьяна кругом, потрогал даже, словно желая убедиться, что глаза не обманывают. Покачал головой.

– Должно быть, ваше состояние тому причиной, да...

Состояние не сказать, чтобы сильно изменилось. Огня в себе Демьян не ощущал, как и прежде, но и опустошенности не было, скорее ощущение такой легкой неправильности, которая никак не исчезала, однако и объяснения, что именно было не так, он не находил.

– Ничего, амулет возьмете, и ладно будет, – решил советник, амулет и выдавший. – Как оно вам? Не мешает?

– Слабое поле я вовсе не ощущаю, – признался Демьян, который, чего греха таить, не удержался, полез эксперименту ставить, пусть и с простыми, слабенькими амулетами, коих в любой приличной квартире дюжина сыщется. – Если нена-

правленное. Направленное хуже, но... терпимо.

Целительские, выданные Марком Львовичем, воспринимались особенно неприятно. Ледяные. Колючие. И главное, цепкие донельзя. Сила, в них укрытая, так и норвила впиться в тело, расплзтись, да и после долго еще мучила этакими льдинками, которые все не желали таять.

Правда, после становилось легче, но все же само...

– От и ладно. От и замечательно, – Никонов ответу обрадовался, а уж амулетов принес целую шкатулку, этакую, из меди и серебра сплетенную, о семи печатях и замочке прехитром, на крови заговоренном. – Заодно и защитой озаботиться стоит... на всякий случай, так сказать. Да и вовсе негоже человеку вашего статуса путешествовать без всякого рода полезных мелочей.

Мелочей в шкатулке нашлось изрядно. В другой раз Демьян, может, и обрадовался бы этакому богатству, которое нашлось бы куда применить, а теперь же испытал лишь самому ему непонятное раздражение.

С чего бы, спрашивается?

– Вы пока осваивайтесь, – велел советник, оставив шкатулку. – Привыкайте.

К телу Демьян привыкал долго.

К имени...

Его вовсе решили не менять.

– Ни к чему, – Никонов полюбил захаживать вечерами, проверяя, как идет процесс перевоплощения. – У вас, уж

простите, нет того опыта, который позволит носить чужое имя, как собственное. Замешкаетесь где ненароком, не отзоветесь, возбудите подозрения ненужные... и мало ли, у кого? А имя у вас распространенное. С отчеством сложнее, но вот... тоже не сказать, чтобы слишком уж редкое. Фамилию же сменим. Шипшиным походите.

Документы выправили быстро.

И паспорт, и регистрационная карточка выглядели настоящими. Впрочем, верно, ими и являлись. Весьма потрепанными, сдобренными парой заломов и жирными пятнами, которые имеют обыкновение возникать на любых бумагах.

– Будете у нас военным в отставке... подполковником, скажем так. Служили ведь?

– Собирался, но не сложилось, – ответил Демьян и сдержался, чтобы не поморщиться. Собственный голос звучал чересчур уж тонко, визгливо даже. Это раздражало невероятно. Все-то, признаться, раздражало. Колючий волос, который и завиваться вдруг начал.

Шея чересчур уж длинная.

Отражение в зеркале. И главное, собственная невозможность что-либо изменить.

– Ничего, жандармы – тоже люди служилые. Считайте, даже почти врать не придется. А в таком деле чем меньше врешь, тем оно лучше... мы выезжаем завтра. Вас сегодня препроводят на другую квартиру, которую вы, чтоб вы знали, снимаете уже год как, просто бываете на ней редко. Дела

семейные требуют присутствия.

...ему оставили папку с новой жизнью, которую предстояло выучить, и пусть сама она не особо отличалась от собственной жизни Демьяна, но вызывала внутри глухое отторжение.

Он ведь...

Не тот. Не такой, как в зеркале.

...и ныне, поймав отражение, – в вагоне первого класса зеркал было едва ли не больше, чем пассажиров – все ж не выдержал, скривился. А после покосился на женщину, что оказалась рядом. Видит ли? А если видит, то что подумает?

Впрочем, Демьян тотчас себя одернул. Какое, собственно, ему дело до нее вот и мыслей ее? И прочих людей? Нет, Никонов велел вести себя обыкновенно.

– Гуляйте. Кушайте мороженое. В синему загляните. Может, встретите кого... не знаю, как ваш Марк Львович, а вот мой целитель утверждает, что нет ничего более полезного для мужского здоровья, чем курортный роман.

Романов заводит Демьян не собирался.

Да и вообще...

Беспокойно было.

Его двойник отправился в Петербург третьего дня. А в утреннем выпуске написали о взрыве близ Борисовой Гривы, что повредил рельсы. Совпадение? Или... и как знать, удалось ли покушение?

Хотя...

Нет. Никак. Если бы удалось, его, Демьяна, отыскиали бы. А потому надобно набраться терпения и играть собственную нехитрую роль. Благо, вот и зрители имеются.

Зрительница.

Впрочем, пока она с большим интересом меню изучает, нежели Демьяна. Симпатичная. Не сказать, чтобы вовсе красавица, скорее из тех, кого принято называть миловидными. Личико округлое. Волос темный, с легкою рыжиной на макушке, которая появляется, если долго под солнцем гулять да без шляпки. И косу заплела.

Кто из современных барышень косы плетет?

Они все-то больше по стрижкам, одна другой короче, того и гляди недалеко времена, когда и вовсе девку от парня отличить невозможно будет. А эта... губы пухлые. Глаза раскосые, и в этом, как и в необычайной смуглости кожи, чувствуется иная кровь.

Вот и зачем, спрашивается, ему это приключение?

Хотя... девица явно не из тех, которые готовы воспользоваться случайным знакомством, переводя его в неслучайное с далеко идущими и большею частью матримониальными целями. Скорее уж ищет она того же, что и сам Демьян, — спокойствия.

...а беспокойно.

То ли ранение сказывается, то ли просто страх смерти, которого он, как любой живой человек, не чужд. И лезет вот в голову всякое, навреде того, что план статского советника,

безусловно, хорош, однако же вдруг да не работает.

Вдруг обман их ни для кого-то обманом не является?

Не след полагать, что освободители глупы.

И сочувствуют им многие, до странности многие. И люди же приличные, образованные, а поди ж ты... и как знать, не отыщется ли такой сочувствующий среди Никоновых людей? И не шепнет ли словечко-другое, а там...

– Простите, задумалась, – женщина убрала полупрозрачную прядку за ухо и робко улыбнулась.

А не она ли?

...в прошлом году, помнится, тоже одну судили, хрупкую да нежную, хорошего рода, слушательницу консерватории по классу рояля, застрелившую Максимовского, а следом и само Главное тюремное управление едва не подорвавшую[1].

Демьян потряс головой. Этак он и собственную тень в заговоре подозревать начнет.

– Я, кажется, тоже. Немного.

– Место... наверное, располагает, – она легко пожала плечами.

Брат?

Тот, который ее провожал. Демьян его неплохо разглядел. Высокий. Статный. Светловолосый. И непохожи они настолько, что поневоле возникают сомнения в этаким родстве. Но высказать их? С какой стати?

– Вам нравится?

Ресторация была роскошна. Пожалуй, куда как роскошнее всех, в которых Демьяну случалось бывать, если только не по служебной надобности.

Красное дерево.

И серебро.

Треклятые зеркала, в которые ему не хотелось смотреться, но и избежать взглядов не получалось, и казалось, что собственные Демьяна отражения за ним следят.

– Пожалуй, что да. Хотя... моя сестра сказала бы, что, за неимением лучшего, следует удовлетвориться тем, что есть.

Ей шла улыбка.

Легкая, слегка лукавая.

– У вас еще и сестра имеется?

– Две.

– Большая семья.

Она пожала плечами и легким взмахом руки подозвала официанта. А ведь не из простых. И чина не назвала, но все одно видно, что не из простых. Платье по моде, хотя, конечно, сам Демьян не больно-то в дамских модах разбирается, но, помнится, у квартирной его хозяйки нечто подобное, прямое, что труба, появилось недавно. А уж она-то за модами следит пристальнейше. Правда, то ее платье, пусть и шитое из богатой ткани, казалось мешок мешком, а на Василисе, пожалуй, что сидело. Хотя все одно мешком.

– Большая, – согласилась она, сделавши заказ. – Порой... от этого устаешь. А вы...

– Братьев у меня нет. А сестра давно замужем.

Он замялся, не в силах вспомнить, что же там было написано о новой его биографии, и были ли вообще упомянуты хоть какие-то родственники. А ведь казалось, наизусть выучил.

– Племянников трое, – так и не вспомнив, Демьян решил, что лучше будет говорить правду. – И племянница...

...которая скоро совсем заневестится, что ввергает сестрицу в ужас, ибо сундук с приданным еще не готов, да и вообще по нынешним временам одного сундука мало. А старшенький из племянников и вообще жениться вздумал, правда, невесту выбрал сам, чем вновь же возмутил сестрицу до глубины души, потому как что-то там с этой невестой было неладно. То ли нехороша она была, то ли, наоборот, чересчур уж хороша. Демьян, честно говоря, так и не понял. Но на всякий случай пообещался приехать, если свадьба все же состоится.

– И у меня племянники. Двое. Пока двое, – она вновь улыбнулась и кивнула на меню. – Вы были, кажется, голодны.

Был. Вот только... цены в этой ресторации как-то чувство голода унимали. Оно, конечно, Демьян не был беден, да и статский советник от щедрот то ли своих, то ли государственных пять тысяч выделил во поддержание должного образа. Но тратить их на ресторацию было как-то... неудобно.

– Весьма советую консоме из рябчиков, – сказала она.

За семьдесят пять копеек?

– Стерляди паровые... боюсь, будут не той свежести. Рыбу все же надо готовить, когда гости едят суп, а здесь это невоз-

можно. А вот филей с трюфелями должен быть неплох.

– Думаете?

– Я люблю готовить, – сказала она и слегка покраснела, словно в этой ее любви было что-то в высшей степени неприличное.

– А на десерт?

– Ореховое парфэ или пломбир. К сожалению, сложно сказать, что удастся лучше... пломбир, насколько знаю, берут уже готовым. И если заказывали в приличном месте, то будет вкусно. А вот парфэ главное не переморозить.

Она вновь отбросила прядку, которой за ухом не сиделось. Эта прядка все норовила упасть на лицо, его перечеркивая. И Демьян поспешно отвел взгляд. Вдруг да не так поймут? С девицами никогда-то не угадаешь, что им в головы прехорошенькие взбредет.

Меж тем раздался протяжный гудок, предупреждая, что стоянка, сколь бы долго ни продолжалась она, все же подошла к концу.

[1] Речь о Евстолии Рогозинниковой, арестованной за участие в покушении на Столыпина. Она притворилась душевно больной, чтобы после с помощью мужа сбежать из больницы. А спустя неделю после побега явилась на личный прием к начальнику Главного тюремного управления Максимовскому и выстрелила ему в лицо. В платье Евстолия напихала динамита, но подрывать себя, как планировалось, не

стала.

Глава 7

Обед проходил в неловком молчании. Василиса совершенно не представляла, о чем следует говорить. И Марья бы, конечно, разозлилась, потому как уж она точно не стала бы теряться в присутствии мужчины, пусть и довольно странного.

А тема?

О чем говорят приличные девушки из благородных семейств? О погоде. О театре. Или вот еще о книгах можно. Василиса дважды собиралась, но... ее спутник выглядел столь задумчивым и сосредоточенным, что она так и не решилась.

В конце концов, ее ведь не обязаны разговорами развлекать. И вообще ничего не обязаны. И... поезд тронулся, дрогнул столик, зазвенели бокалы, коснувшись друг друга сияющими боками. А Демьян Еремеевич вздрогнул и очнулся.

– Извините, – сказал он, в который уж раз. – Филей и вправду хорош.

– Вот только трюфелей здесь нет, – Василиса выдохнула. О еде тоже говорить было можно. Впрочем, та же Настасья утверждала, что запретных тем вовсе не существует, что все это – глупости прошлого, с которыми следует бороться наименее решительнейшим образом. А Марья, услышав этакое, поджимала губы и слегка хмурилась. Самую малость.

Но в отличие от Марьиного супруга, Настасья этакой малости не замечала. Или замечать не хотела.

И Василису наверняка одобрит.

Может, даже вновь позовет к себе, в Париж. Или она уже не в Париже? И придется придумывать достойную причину, чтобы не ехать. Или все ж поехать? Посмотреть? Хотя... Настасья заговорит про образование и университет, а в университет Василисе хотелось еще меньше, чем замуж.

– Думаете?

– Трюфельное масло. Оно дешевле. И вкус дает схожий весьма, – Василиса сложила вилку и нож, и руки убрала. – Но самих трюфелей я ни кусочка не нашла...

– А по цене будто только их и ели.

Он проворчал это и тут же спохватился.

– Не подумайте, я...

– У меня есть деньги, – поспешила сказать Василиса.

– Нисколько не сомневаюсь. Но все же позвольте оплатить счет. Или вы из этих... которые... полагают, что женщине никак нельзя позволять... ну... – он явно смутился, не зная, как завершить фразу. И рукой взмахнул, а поезд покачнулся, и рукав задел за край высокого стакана, опрокидывая его на пол. Потекла лужа, расплылась, впитываясь в ковер.

– Извините, – вздохнул Демьян, хоть бы беды в том не было никакой. Ковры наверняка зачарованы, вон, темное пятно почти исчезло, а половой, появившийся будто из ниоткуда, стакан убрал. Спустя мгновение на столе появился новый,

столь же высокий, как прежний. – Порой я неловок.

– Я тоже, – Василиса отлично понимала нынешние его чувства.

Ее платье, которое имело несчастье пострадать от вишневого пунша, в отличие от ковра зачаровано не было. Да и людей в гостиной собралось куда больше, чем в ресторации, где ныне никому-то до Демьяна Еремеевича с его неловкостью дела нет. А вот на Василису смотрели все.

Неприятный был случай.

И Марья, пусть ничего не сказала, но...

– Бывает, – она ободряюще улыбнулась. – И нет, я не из суффражисток. Да и вовсе... даже моя сестра, которая воистину суффражистка, полагает, что порой они чересчур уж... активны.

Парфэ оказалось весьма неплохим, вот только вновь же вместо ванили использовали новомодный ванилин, который, пусть и обладал весьма схожим ароматом, но тот был каким-то слишком уж ярким, не столько оттеняющим истинный вкус сливок, сколько напрочь его перебивающим.

Хорошо, что Василиса не поленилась и потратила время, упаковывая приправы. Александр, конечно, ворчал, что она тратит время на пустое, но как знать, удастся ли ей в Гезлёве настоящую ваниль купить? И будет ли она свежей, или же, как часто водится, пересушенной и утратившей часть волшебства? А корица? Сколько ее портится лишь оттого, что в лавках ленятся разобрать ящики, разложить хрупкие палоч-

ки по отдельным пакетам, убрать их в защищенную от сырости зону...

Мысли свернули не туда.

А на нее смотрят, верно, ожидая продолжения беседы.

– Сестры у меня очень... разные. Марья живет здесь. Она замуж вышла. Давно. И детей у нее двое... мои племянники. И она княжна. Муж ее обожает. И не только он. Марью обожают все. Она красивая.

Только не в красоте ведь дело. Точнее не в одной красоте. И как рассказать, что даже у Василисы, к сестрициной магии привыкшей, сердце сбивается, когда Марья wpłyвает в комнату. Что вокруг нее-то, словно вокруг единственного солнца, собираются все, будь то капризные старухи, что с превеликим удовольствием в каждом ищут недостатки, но в Марье не находят, что совсем юные барышни, взирающие на Марью с восторгом. А о мужчинах и говорить не приходится.

– А Настасья уехала. Давно уже. Она училась, но потом поняла, что здесь, в Империи, женщин долго всерьез воспринимать не станут. Она так сказала, – Василиса аккуратно доела парфэ, хотя привкус ванилина сделался до крайности навязчив. И даже ледяная вода с лимонным соком от него не избавили. – Ей предложили работу во французской лаборатории, при тамошнем университете. Она согласилась и вполне довольна. Изучает теперь способности некоторых веществ к накоплению магических эманаций. Или к передаче? Я совершенно ничего в науке не смыслю.

– А брат?

– Учится. В Высшем имени Его императорского Величества Николая I Дворянском Институте. Пока лишь первый общий курс завершил и теперь спорит с Марьей куда дальше идти. Она его в боевики отправляет, но у Сашки талант. Из него чудный артефактор получится. Если, конечно, сумеет настоять на своем. Но с Марьей это сложно... знаете, как бывает? Она и слушает вроде, а все равно не слышит. И если решает сделать по-своему, то и делает. Только и Сашенька, пусть и младшенький, а все одно упрямый до невозможности... точь-в-точь, как она. Правда, оба в том ни за что не признаются.

– Вы их любите, – сказал Демьян Еремеевич. А вот он к парфэ не притронулся. Сладкого не любит?

– Да. Это странно?

– Нет. Отнюдь. Просто... что-то сегодня я постоянно попадаю в неловкие ситуации, – он усмехнулся.

– Не только вы.

И Ляля, которая должна бы встретить Василису в Евпатории, непременно углядела бы в этакое совпадении перст судьбы. А потом стала бы шептать, что к господину надобно приглядеться. Что господин этот неспроста появился на жизненном пути Василисы, что и возраста он самого подходящего, не молодой, но и не старый. Собой, пусть не особо красив, но и не страшен.

Солиден, если по одежонке судить.

Воспитан.

С образованием небось. И ей ли, старой деве, перебирать-ся. Коль судьба по доброте своей кавалера сует, то хватать его надо обеими руками и держать покрепче. Василиса пред-ставила, как хватает бедолагу и, преодолевая сопротивление, волочет к ближайшей церкви, приговаривая, что судьбе оно виднее... и с трудом сдержала улыбку.

Не сдержала все-таки.

И ей улыбнулись в ответ.

А в купе прибавилось людей. Подле пухлого господина писателя, который, уставши от газет – на коленях его по-явилась целая стопка – придремал, появилась девица того неопределенного возраста, который у некоторых особ начи-нается после восемнадцати и продолжался до самой старо-сти. Серое платье строгого кроя, украшенное лишь узкой по-лоской кружева по воротничку, лишь подчеркивало до край-ности болезненный вид девицы. Сама она была бледна, а вот щеки полыхали тем чахоточным румянцем, который заста-вил Ньюсю поменяться местом с матушкой.

Напротив девицы устроился молодой человек совсем ино-го толку. Василиса сполна оценила и костюм его, того насы-щенного темно-зеленого колеру с шелковым отливом, кото-рый говорил о магической трансформации ткани. Сияли ка-меньями крупные, пожалуй, даже чересчур крупные запон-ки, блистал алым цветом рубин в булавке для галстука. По-

блескивали перстни на пальцах. А в руках молодой человек держал часы величиной с кулак. Причем поворачивал он их то в одну, то в другую сторону, чтоб уж точно все присутствующие оценили.

Нюся оценила.

И часы. И костюм. И зачесанные гладко, сдобренные бриллиантином и посыпанные золотой пылью волосы. Она подтянулась, села ровненько, сложивши ручки на коленях, и даже потупилась.

Демьяну тип категорически не понравился.

Чуялось в нем что-то до крайности фальшивое. В той вот поспешности, с которой он вскочил, приветствуя даму. В разноцветье слов. С ходу комплиментами осыпал, к ручке приник и еще глядел так, снизу вверх, с восторгом.

С чего бы?

А когда Василиса ручку забрала и даже за спину спрятала, заговорил. И говорил, говорил...

– А еще у меня имение имеется, – голос его оказался приятен, этакий бархатистый баритон, от которого и донельзя разумные женщины этот самый разум вдруг утрачивают. – От матушки осталось. Тысяча десятин земли...

– Прелесть какая! – воскликнула Нюся и матушку в бок подтолкнула, а вот так не спешила радоваться, напротив, разглядывала блондинчика исподволь, явно не испытывая к нему, столь прекрасному, доверия.

– И что выращиваете? – спавший господин вдруг проснул-

ся.

– Так всего. Овес там. Не знаю, чего еще растят... у меня этим управляющий занимается. Еще тот пройдоха. За такими глаз да глаз нужен. Только где уж за всеми уследить? Дел-то полно... и на завод надобно заглянуть. И по своим ресторациям пройтись...

Он покосился на Василису, которая сидела тихо, и не понять было, слушает она или нет.

– У меня их три.

Сказал и вновь замолчал.

– А еще мануфактура есть. Прядильная. Вот.

– Это какая же? – Ефимия Гавриловна достала из рукава кружевной платочек, которым аккуратно вытерла и без того чистые пальцы.

– Прядильная, я же сказал, – с некоторым раздражением произнес блондинчик. – От батюшки осталась... столько забот, столько забот... позвольте представиться, сраженный вашею красотой...

Нюся фыркнула и отвернулась к окну, явно обиженная, что сразила типа не ее красота, которая куда как красивей и моложе Василисиной.

– ...Бухастов Аполлон Иннокентьевич.

– А Иннокентий Марьянович вам не батюшкой часом доводился? – взгляд Ефимии Гавриловны сделался колюч.

– Батюшкой.

– Достойный был человек, – она покачала головой и под-

жала узкие бледные губы. – Много сумел, многого добился собственным трудом...

Ефимия Гавриловна вздохнула.

– Мне его тоже не хватает, – взгляд Аполлона все же обратился к Нюсе. – А вы...

– Мы с ним, случалось, партнерствовали. Думали даже общество собственное открыть, да... не случилось. Слышала, вы мануфактуру на продажу выставить собираетесь?

– Подумываю, – блеску у блондина как-то вдруг да поубавилось. – Одни заботы от нее... то что-то там с оборудованием, то с налогами, то рабочие бастуют...

– Платить достойно не пробовали? – голос у девицы оказался сухим надтреснутым. А во взгляде полыхнула такая ярость, что рука Демьяна сама к револьверу поползла. И остановилось.

Не хватало еще в купе револьверами махать.

– Им платят, – блондинчик пожал плечиками, а на девицу даже не глянул.

– Я говорю о достойной плате. О такой, которая позволяет прожить, не выматывая себя до крайности, – она закашлялась и поспешно приложила к губам платок. – Извините... не стоит опасаться, я уже не заразна. Лечение прошло... успешно... надо только восстановиться.

– На море самое оно после чахотки восстанавливаться, – согласился писатель и плед свой протянул. – Укройте, вас знобит.

– Это нервическое. Целители говорят, что я чересчур близко все к сердцу принимаю, – но плед она приняла, укуталась в него, что в кокон.

А ведь не из богатых.

Платье простое и по крою, и по ткани. Руки, пусть и без мозолей, но не сказать, чтобы сильно ухоженные. Ногти острижены неровно. Волосы тусклые, то ли от болезни, то ли сами по себе.

Ни колечка.

Ни цепочки.

И странно не отсутствие украшений, случается и такое, но само несоответствие роскоши вагона и скромности этой вот конкретной пассажирки. Пусть третьим и четвертым классом больному человеку ехать тяжело, оно понятно, но ведь оставался и второй, почти столь же комфортный, но куда более дешевый.

Или билетов не нашлось?

Или причина в ином? И эта причина заставляет девицу отводить взгляд, будто стесняется она смотреть на спутников.

– Так не надо нервничать, – Аполлон улыбнулся, демонстрируя зубы столь ровные и белые, что становилось очевидно – сияющая улыбка эта стоила немалых сил и денег. – Девушка должна быть спокойна и весела.

– Почему? – девица повернулась к нему.

– Слабый пол украшает мир! И не стоит забивать прелест-

ные ваши головки всякими глупостями.

– То есть, думать женщине не нужно?

– К чему женщине думать?

– Действительно, – мрачно произнесла девица, подтягивая повыше плед. – К чему... пусть думают мужчины. Они ведь умнее, сильнее и во всем лучше.

Аполлон кивал, соглашаясь с каждым словом, явно не замечая скрытого в них сарказма.

– Именно! – воскликнул он. – А когда женщины начинают лезть, туда, куда не следует, начинается всякое...

Он махнул рукой.

А девица поинтересовалась:

– Что именно?

– Все!

– Вот так сразу и все? А вы... – она обратилась к Василисе. – Тоже думаете, что женщинам следует удовлетвориться малым?

Молчание, повисшее в купе, было... пожалуй, неприятным. Колючим. Раздраженным. И разговор этот следовало бы прекратить, предотвращая назревшую почти ссору, но вот Демьян понятия не имел, как это сделать.

– Я думаю, что каждый выбирает для себя, – тихо произнесла Василиса. – Каждый проживает собственную жизнь. И лишь ему решать, какой она будет... так, мне кажется.

И улыбнувшись виновато, продолжила:

– Вам стоит заглянуть в «Талассу». Слышала, там лечат

грязями с малой концентрацией силы. И это весьма способствует восстановлению...

– Да, я тоже слышала, – разом оживилась Нюся. – И для кожи хорошо!

Она коснулась пухлых своих щечек.

– Говорят, что кожа прямо-таки фарфоровой становится...

Девушка, имени которой Демьян так и не услышал, поджала губы. Кажется, меньше всего ее волновала красота кожи. А вот Аполлон приободрился.

– Да, эффект и вправду поразительный. Я специально в Гезлёв езжу, чтобы грязевые ванны принимать. Весьма бодрят... а вы, стало быть, где остановиться решили?

И разговор завертелся вокруг грязей.

И отелей.

Санаториев. Здравницы имени Ее императорского Величества Анны Николаевны, построенной для военных, но открытой и для прочего люду, коль места свободные будут. О том, что места эти как раз-то были, если знать, у кого спрашивать.

О ресторациях.

И площадках для танцев, которые опять же только-только построили. Синематографическом салоне, не посетить который было просто-таки преступлением, хотя и стоил билет целых полтора рубля, но за подобное диво – не жалко.

Музыках.

И пляжах.

Купальных костюмах, в которых Аполлон показал себя невероятнейшим знатоком, и они с Нюсей, найдя, наконец, общую и преувлекательнейшую тему, заспорили, выясняя, допустимо ли женщине использовать в купальной кабинке укороченный наряд или же надлежит оставаться в полном, даже если никто-то там ее не видит.

И спор их жаркий заставлял Ефимию Гавриловну хмуриться, а толстого писателя – зевать. И если первое время он приличий ради прикрывал рот ладонью с платочком, то после вовсе расслабился, разомлел. Хмурилась чахоточная девица.

А Василиса смотрела куда-то в окно, думая о своем.

О чем?

Демьян мысленно хмыкнул. Вот ведь... до курорту еще не доехал, а настроения уже специфические, того и гляди и вправду роману закрутит. Не хватало...

...и протелефоновать бы.

Поинтересоваться у Павлуши, как дела обстоят. А после и в столицу, благо, имелся номерок, использовать который было велено в самом крайнем случае. А подозрительные спутники им не являются. И надо расслабиться.

Успокоиться.

Вспомнить, что Марк Львович говорил. Исцеление во многом зависит от того, сколь старательно будет Демьян рекомендации соблюдать.

Меньше беспокойства.

Больше отдыха.

И никаких мыслей о работе. А что до девицы... то ныне их, пылких и революционно настроенных, развелось превеликое множество.

Глава 8

В Гезлёв прибыли ближе к вечеру. Поезд вполз на раскаленный перрон, выдохнул клубы белоснежного дыма, добавляя местному, пропахшему морем воздуху, тяжелой железной вони. Скрежетнул состав, столкнул железо с железом и содрогнулся, едва не опрокинув Нюсю, которой вздумалось встать вот тут же, немедленно. И если б не весьма своевременная помощь Аполлона, она бы упала.

Но нет, поймал.

И что-то сказал.

И от этого сказанного Нюся, заалевши, смутилась. Но тут же смущение поборола и ответила, верно, достойно и дерзко, если Аполлон рассмеялся. Смех его показался вдруг неприятным, как и сам этот человек, чересчур громкий и назойливый.

Марья сумела бы с ним справиться. Взгляда бы хватило.

А Настасья взглядом не стала бы ограничиваться, высказалась бы... Василиса подавила вздох и сумела лишь не заметить протянутую руку. Никогда-то у нее не хватало ни сил, ни смелости ввязываться в споры с другими людьми.

– Позвольте вас проводить? – Аполлон, отпустивши Нюсю, которая к явному маменькиному недовольству явно желала продолжить столь приятное знакомство, обратился к Василисе.

– Нет. Благодарю. Меня должны встречать.

– Вот и проверю, чтобы точно встретили. А то мало ли...

– И проводить есть кому, – сказала Василиса, понадеявшись, что ее верно поймут.

– Да? – прозвучало скептически. – Неужели вы и вправду предпочтете мое общество... чьему, простите?

– Моему, – Демьян Еремеевич поднялся. – Позвольте ваш саквояж?

– Конечно.

Было... до крайности неудобно. Но уж лучше краткий миг неловкости, чем знакомство, избежать которого, как Василиса подозревала, не выйдет, как и избавиться от последующих бессмысленных ухаживаний. Хотя, конечно, странно донельзя. Чем она вовсе привлекла этого человека?

Пускай себе.

Больше всего Василиса боялась, что Ляля не приехала.

Перепутала время.

Или день.

Или вагон, и теперь мечется где-то там, в толпе. А на вокзале былолюдно. Почти столь желюдно, как на том, оставшемся много верст позади. И появилось вдруг ощущение, что она, Василиса, на самом-то деле никуда и не уезжала.

– Барышня! – громкий Лялин голос перекрыл и гомон толпы, и вопли чаек, что кружились над вокзалом. – Барышня, я туточки!

Она и рукой помахала.

– Это ваша...

– Горничная. И компаньонка. Компаньонкой ей нравится быть больше, – Василиса позволила себе выдохнуть. Все же, не будь Ляли, пришлось бы как-то добираться самой.

А она не умела сама.

Она, кажется, вовсе была куда более беспомощна, чем ей думалось.

– Понимаю.

– Спасибо вам...

– Видишь, – раздался слева знакомый голос. – Разумная барышня сразу поняла, что типус этот есть обыкновенный прохвост...

– Мама...

– Мама знает жизнь. Мама видела этаких... с деньгами, конечно, но надолго ли? Как батюшки не стало, пустился во все тяжкие...

Мимо прошла Ефимия Гавриловна, волоча за руку Нюсю, которая то и дело оглядывалась, надеясь, верно, отыскать в толпе потерявшегося поклонника.

– ...завод разорил, продал за копейки, и мануфактуру вот-вот выставит. Долгов понаделал. Пока есть чем платить, только деньгам он счету не знает...

Этот голос исчез среди других.

– Ох, барышня, а вы совсем ехать замучились, – Ляля пробилась сквозь толпу с легкостью. – Ваш братец три раза телефонировать изволивши был. А я ему так и сказала. Мол,

едет поезд. И от этих вот звонков, от которых у меня в голове свербеть начинает, быстрее ехать он не будет.

– Куда телефонировал?

– Так... в дом... пришли тут, стены расковыряли, ковры затоптали, потянули проводов, не было печали. Вот попомните мои слова, да поздно будет, одни беды от этой телефонии. А братец ваш точно ругаться станет.

– Станет, – Василиса отпустила руку, на которую опиралась, пожалуй, чересчур уж вольно. – Возможно, вас подвезти?

– Не стоит, – Демьян Еремеевич покачал головой. – Возьму коляску.

– И все же...

– Давайте я вас все же провожу. А ваш багаж...

– Акимку за ним послала. Привезет-с, – отмахнулась Ляля. – Мы туточки недалече стали. На саму вокзалу с экипажами не пускають. Говорят, что лошади порой пужливые, что в тым годе страсти...

Она любила говорить, пожалуй, даже чересчур, чем вызывала вновь же недовольство. Марья не единожды предлагала горничную сменить, мол, столь болтливой девице место в поместье, но никак не в городе, где болтливостью своей она причиняет ущерб хозяйской репутации. И Василисе давно пора бы найти себе кого-то более сдержанного.

Знающего моду.

И способного волосы уложить двадцатью семью способами.

ми.

А Ляля... Ляля шла и поглядывала искоса, явно пытаюсь сообразить, что за человек несет Василисин саквояж, откуда он взялся и имеет ли смысл рассчитывать, что хозяйке он глянется.

Глянулся.

Василиса подавила еще один вздох.

Быть может, новый знакомый и был несколько странен, быть может, был он вовсе лишен той привлекательности, что выделяла Александра и прочих, в ком имелась благородная кровь. Быть может, он не относился к тем, кого Марья одобрила бы, но рядом с ним Василиса не чувствовала себя неловкой.

Или неправильной.

Да и вовсе спокойно было, хотя, конечно, спокойствие это в высшей степени ложное, происходящее от того, что она довольно много времени провела рядом с этим человеком, и помощь от него принимала, и... и, по сути, что она вообще о нем, кроме имени, знает?

– Где вы планируете остановиться? – спросила она, не зная, что еще сказать. Экипаж и вправду стоял недалеко. Акима вот еще не было. И кони нервно пряли ушами, им тоже место казалось неудобным, шумным, жарким. Быть может, они вовсе предпочли бы оказаться подальше от него, но спутанные ноги не позволяли ступить и шагу.

– На villa «Carmen». Нумер был заказан. Надеюсь, заказ

не потеряли, – Демьян Еремеевич поставил саквояж на скамейку кучера и дверцу приоткрыл. Руку подал. – А вы?

– Так... у нас тут дом, собственный, – встряла Ляля, верно, опасаясь, что хозяйка в скромности своей совершит непоправимую ошибку и адреса не назовет. – Его еще вдовым кличут. Там вдова Посконникова обреталась, она барышне тетушкой приходится.

И этак, лукаво глянула, мол, теперь-то кавалер не заплутает.

– Буду рада, если вдруг заглянете в гости, – неожиданно для себя произнесла Василиса. – На чай.

– Ага, – Ляля вновь не смогла промолчать. – С пирожками. У барышни пирожки такие, ни в одной ресторации, даже столичной, таких вам не подадут. А уж кексы... будто ангелы пекли эти самые кексы. Особенно, который черемховый.

– Черемуховый, – поправила Василиса.

– Буду рад, но...

Не придет.

Кому нужны кексы, пусть и из черемуховой муки. От девицы на выданье требуется совсем иное. Родовитость. Здоровье. Приданое. И безупречная репутация.

Додумать Василиса не успела, ибо появился Аким с носильщиками и чемоданами, и стало совсем уж не до кексов и мыслей, ибо как-то так получилось, что чемоданов оказалось на три больше, чем Василиса брала. Она несколько раз пересчитала эту гору.

– Сестрица ваша подсобила, – Ляля как-то сразу поняла, в чем причина. – Вон те три. Ейные. Что? В прошлом годе еще покупала, когда сама на моря отдыхать собиралась. А тепериче, стало быть, вам спихнула с барского-то плеча. И не зыркайте, барышня, я вам скажу, как оно есть... сестрица ваша, может, и кругом княжна, да только крепко себе на уме. Возомнила старшею...

Под Лялино тихое ворчание чемоданы находили место в багажном отделении экипажа, а те, что не нашли, отправились на крышу, благо, ремни с нее так и не сняли.

И подумалось, что повезло. Марья лишь добавила чемоданы, а могла бы и выкинуть те, которые посчитала бы лишними. А тут и гадать нечего, от чего бы избавилась. Нет, конечно, Александр отправил бы все завтрашним поездом, но... впервые, пожалуй, Василиса ощутила раздражение.

Могла бы и спросить.

Посоветоваться.

Она сжала кулачки. И успокоилась.

Марья не злая, просто... и вправду старшая, вот и думает, что без нее все прочие, помимо, пожалуй, Настасьи, пропадут. Заботится, как умеет.

– А господин ничего такой, – сказала Ляля, взобравшись в экипаж. Внутри было жарковато, и жара эта пахла лаком да деревом, кожей и самую малость пивом, которым кожу эту натирали для мягкости. – Заботливый. Ответственный. Не то, что посвистел этот...

– Кто?

– Посвистел, – Ляля расправила складочки муслинового платья нежно-лазоревого оттенку, который только в моду вошел. – А как его еще назвать? О любви свистел, свистел, а как до дела дошло, так весь и высвистел. Хорошо, хоть вы не горюете.

– А надо?

– Из-за такой мерзи? Нечего... и приехали правильно. Там бы она вам жизни не дала, стала бы женихов пихать и руки выкручивать.

– Ты преувеличиваешь.

Тронулись.

Звонко зацокали подковы по камню. Экипаж покачнулся, чуть просел. Заскрипели рессоры.

– Если бы, – Ляля откинулась на кресло. – Вы ж за него замуж не хотели. Не хотели ведь? А то я не знаю. Но предложение приняли. А почему? Сестрицы забоялись. Что она опять нудеть да попрекать станет.

– Прекрати, – голова разнылась, то ли после дороги, то ли от Лялиного голоса, который заполнял все пространство экипажа.

– А этот ничего такой... надо будет сказать Акиму, чтоб проехался до этой самой «Кармены». Слыхала, публика там приличная. Пускай поспрошает, где остановился.

– Зачем?

– Чтоб знать.

– Что знать?

– Мало ли? – Ляля пожала пухлыми плечами. – Вдруг да вам восхочется до городу пройтись. Или в ресторацию тамошнюю заглянуть. Сказывают, что готовят там вполне прилично, но...

– Ляля...

– Молчу, – она примолкла, правда, ненадолго, пробубнив-ши. – Акима все одно отправлю... пущай разузнает.

До виллы Демьян добрался на извозчике, благо, вокруг вокзала их имелось в превеликом количестве. И доставили быстро, с ветерком, и не сказать, чтоб много запросили.

Воздух пах морем.

Нет, там, дома, тоже имелось море, но какое-то иное, что ли? Местное так и лезло на берег, тянулось по песчаным косам, норовя забраться выше и выше, доползти до белоснежных, словно кружевных, домов. А после отступало, покидая на песке подношения такими признаниями в любви.

Кружили чайки.

Орали немилосердно.

Где-то далеко бренчал рояль и тонкий женский голос выводил что-то донельзя романтическое. Демьян снял шляпу и обмахнулся. Жарковато. Солнце припекает немилосердно, и костюм его, пусть и выправленный по последней моде, показался вдруг до крайности неуместным.

– Вам туда, барин, – кучер указал на мощеную плиткой

дорожку. Слева и справа от нее пробивалась из земли трава, но куцая, запыленная. Чуть дальше, близ кованой ограды, трава становилась гуще и ярче, то ли тень спасала, то ли магия, флер которой Демьян шкурой ощущал.

И верно, место, подобное нынешнему, не обойдется без заклятий. Воду удержать надобно, подвести к огромным деревьям, что раскрыли кроны, подобны дамским зонтикам, даруя отдыхающим спасительную тень.

И само здание укрепить.

Поставить защиту на номера. И водопровод отладить. Лампы опять же сотворить светящиеся, которые в проспекте обещаны были. Демьян поскреб шею и прислушался к себе, раздумывая, как же поступить. Уйти? Жилье найдется, может, не столь роскошное, как вилла, но роскошь ему без особой надобности. Или остаться, поселиться там, где велено?

Магии было много, но... он же привык к амулетам? Даже целительским. И к этой привыкнет.

Он сделал шаг.

И вновь прислушался. Хуже не стало. И еще один. Этак, остороженько, почти крадучись, Демьян добрался и до дома.

Номер оказался преотличнейшим. Может, конечно, человеку иному, привыкшему к большей роскоши, показался бы он недостаточно богатым, где-то даже скромным, но Демьян аккурат к роскоши не привыкал. И потому он с немалым удовольствием прошелся по комнатам, вдохнул ка-

кой-то свежий, пахнувший цветами воздух. Тронул стены, ощущая некоторую бумажную неровность обоев, что успели слегка выгореть, но оттого лишь странным образом сделались лучше. Он поправил немного перекосившийся морской пейзаж, поднявшись на цыпочки, провел пальцем по краю рамы и хмыкнул.

Чисто.

И под кроватью пыли нет, что вовсе удивительно. Хотя... камень-пылежор, обнаружившийся на шкафу – полез туда Демьян исключительно из любопытства – объяснил эту просто невозможную чистоту, подтвердивши мысль, что вилла эта, открытая не так давно, и вправду стоит своих денег.

Девяносто рублей в месяц.

В прежние времена он бы в жизни на этикие траты не решился, найдя деньгам иное, более достойное применение, а теперь вот...

Присевши на кровать, Демьян самым детским образом попрыгал на ней, убеждаясь, что пружины не скрипят, а матрас из конского волоса в меру упруг. От белья исходил тот невероятный легкий аромат чистоты, который заставил вспомнить о доме. Матушка всегда сушила белье на чердаке, где на тонких веревках развешены были пучки ароматных трав...

Вздохнул.

И понял, что совершенно не представляет, что делать

дальше. Всю свою сознательную жизнь Демьян был занят. Сперва учился, желая стать лучшим, после учился и работал, ибо одной лишь учебы было недостаточно. И свезло ему, что в местной жандармерии заметили смышленного паренька, позвали, сперва курьерствовать, после и вовсе мундир доверили, пусть и самого нижнего чина.

Матушка радовалась.

Как же, в люди выбился, стало быть, не зря она вдовьи горькие копейки на свечи с молитвами тратила, заступилась Богородица за сироту, помогла... в помощь Богородицы Демьян не больно-то верил. Он и в церковь заглядывал, можно сказать, исключительно из нежелания вводить матушку в расстройство этаким своим неверием.

...она уж пять лет как умерла. Успела и на награждениях побывать, благо, начальство к Демьяну относилось с пониманием и, если не сказать, чтоб любило, выделяя среди прочих, то всяко не забывало, ценило даже.

Он же в свою очередь, привыкши работать, к этой самой работе прикипел душой, не зная и не желая иной жизни. И вот теперь окончательно растерялся.

Что делать?

Остаться в номере?

Или пройтись по вилле, рискуя встретить людей иных, с которыми придется беседовать, ибо на отдыхе люди становятся весьма расслаблены, а потому – излишне говорливы? Наведаться в местную ресторацию? В город выглянуть?

Пройтись по лавкам, обновить гардероб по местной, морской моде, в которую никак не вписывались шерстяные костюмы и рубашки с жестким воротничком? Или... просто прогуляться по берегу, любуясь морем, в стороне от отдыхающих?

Выбор оказался до того обширен, что голова заныла.

Или это от магии?

Нет, прислушавшись к себе, Демьян сделал вывод, что магия-то никоим образом тут не при чем. Ее он, по привычке, вовсе перестал ощущать.

Робкий стук в дверь прервал размышления.

– Доброго дня, – поприветствовал Демьяна человек в костюме столь кипенно-белом, что белизна эта резала глаза. В руках господин держал соломенную шляпу и чемодан. – Демьян Еремеевич? С прибытием... позвольте?

Не дожидаясь разрешения, он вошел и дверь за собой прикрыл.

Господин не был стар, скорее уж можно было сказать, что он вошел в тот благословенный возраст, когда разум и мудрость сочетаются с телесной крепостью.

– Никанор Бальтазарович Орешков, – представился он и раскрыл ладонь, над которой раскрыл крылья двуглавый орел. – Мастер-целитель... в том числе.

Он огладил пышные соломенного колеру усы.

– Мне про вас телефонировали, велели приглядывать...

– И?

– И будем приглядывать. Сидите, сидите... позвольте... весьма, как понимаю, занимательный случай... боли не испытываете?

– Нет.

– И ночью?

– И ночью.

– А поездка?

– Вполне комфортно.

Теплые сухие пальцы коснулись висков. Глаза у Никанора Бальтазаровича оказались светло-серыми, почти прозрачными. От взгляда его голова закружилась.

– Спокойнее... думайте о чем-нибудь приятном.

– О чем?

– Мне откуда знать, что для вас приятно? Вам оно как-то виднее...

Вот ведь странность, стоило сказать, и Демьян понял, что не представляет совершенно, о чем же ему надлежит думать. Мысли были все, до одной, о работе.

О том, справится ли Павлуша.

Он, конечно, парень толковый и сноровку имеет, но вот опыта маловато, да ко всему характером колюч не в меру, а стало быть, со многими поссорится, сам того не заметив. Нижние чины его тоже не признают, и Павлуша наверняка почувет в отношении что-то такое, неладное.

Попытается давить.

– Тяжко у вас с приятным, – Демьяна отпустили. – Но в це-

лом, сколь могу понять, все в порядке, в том, который относителен. Ухудшений не вижу. Улучшений... будем считать, что слишком мало прошло времени.

– И что мне делать?

– А что вы собирались?

Демьян пожал плечами. Сложно сказать. Планов у него особых и не было.

– Вам что велено? Отдыхать. Вот и отдыхайте. Гуляйте. Город красивый, строится. Пройдитесь по набережной, загляните в купальни. Здесь собственные имеются, очень даже неплохого качества. Посетите рестораны... вы когда в отпуске-то были в последний раз?

– Давно.

– Все не получалось, так? – Никанор Бальтазарович коснулся пальцем макушки, и Демьян ощутил ледяную иглу целительской силы, пробившую его до самых пяток. – Вечно находились дела неотложные, которые никак нельзя было оставить на помощников, ведь они молоды и вашего опыта не имеют. Недосмотрят, ошибутся...

Говорил он это с явною насмешкой.

– Именно.

– Ничего, голубчик... всенепременно недосмотрят и ошибутся не по разу. Все мы люди, все мы человеки, а ошибаться в натуре человеческой. Но исправят. Вот увидите, ничего-то в вашем отсутствии не развалится и не сгинет... я вот прежде тоже горел. Едва вовсе не сгорел. Казалось, что без

меня всенепременно мир в пропасть скатится... да...

– И что случилось?

– А ничего. Женился вот. И оказалось, что есть жизнь вне работы. Вы-то как?

– Не женат.

– Знаю. Досье ваше тоже читал. А как вы думали? Надобно нам знать, с кем работать будем.

– Нам?

Мысль о работе оживила, потому как Демьян совершенно не представлял, чем, кроме нее, в жизни заниматься можно. И отдых этот, еще не начавшийся, раздражал до крайности.

– Нам, нам... вы ж не думали, голубчик, что мы вас без присмотра оставим? Оно, конечно, Петербург Петербургом, но вот никогда нельзя быть уверенным, что все пойдет по плану... а потому лучше планов иметь два. Или сколько уж получится. Вижу, глаза загорелись, но вынужден разочаровать вас, любезный мой Демьян Еремеевич. Вы у нас будете отдыхать... старательно, как положено человеку, в жизни не отдыхавшему и, в конце концов, дорвавшемуся до моря. Вон оно, за оградкою плещется. Чтоб сходили непременно.

– Сегодня?

– И сегодня. И завтра. И каждый день, если, конечно, погода будет. Но оно будет. Здесь всегда погода, так вот... а мы уж присмотрим.

– И...

– И большего вам знать не надобно.

Демьян нахмурился.

– Не переживайте, люди у нас хорошие, мешаться не будут, да и вовсе... не думайте о дурном.

Если бы так просто было с мыслями.

– Лучше расскажите, как ехалось. Кого видели? С кем познакомиться успели? – Никанор Бальтазарович потер руку об руку, стирая невидимую грязь.

А сила его разлилась по телу, с нею пришла и невероятнейшая бодрость. Захотелось вдруг прогуляться, к тому же морю, раз уж его настоятельно советуют. Или неважно куда, главное, что сидеть на месте было никак невозможно.

– Вижу, работает, – целитель усмехнулся в усы. – Пойдемте, я тут вам все покажу... не удивляйтесь, место это открыто было в том числе и нашими силами. Все ж многие люди на службе Империи здоровья лишаются, а стало быть, надобно сделать так, чтоб оное поправить можно было. Вот и получилось... оно-то, конечно, большею частью лица гражданские, но так и лучше...

Дверь номера выходила на террасу, которая сияла свежим лаком и им же пахла, но не назойливо. Скорее уж запах этот, мешаясь с другими, сплетался одним удивительным узором, где находилось место и солоновато-йодной вони морских водорослей, и металлу, и земле, и еще чему-то, присутствующему на самой грани восприятия.

От террасы начиналась дорожка, уводившая вглубь сада.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.